

Виктор БОНДАРЧУК

ПОБЕДИТЬ,
ЧТОБЫ ПОТЕРЯТЬ

Герой романа Виктора Бондарчука «Победить, чтобы потерять» — молодой парень Василий Строев, за спиной которого — полукриминальное прошлое. Имея возможность откупиться, он все же оказывается на службе в армии, ведь он романтик и мечтает покрасоваться в морской форме. Однако скоро он попадает в неприятности, и вся надежда только на друзей и на любимую девушку Свету. Настоящие друзья приходят на помощь, но что ожидает героев дальше?

Жизненная дорога Строева — это череда тяжелых и радостных моментов, возвращение в родной город, восстановление авторитета. Но победа над всеми трудностями приводит всего к одной потере, но она оказывается слишком дорога. Ведь получить все, но потерять любовь — не победа, а скорее поражение.

Роман Виктора Бондарчука «Победить, чтобы потерять» — о криминальных девяностых, о дружбе и терпении, о непростом выборе между разумом и чувствами.

Виктор Бондарчук

Победить, чтобы потерять

После обеда Васька привезли на городскую гауптвахту, почему туда он не знал и не догадывался. Да и надо ему это, после минувшей кошмарной ночи, от этой постоянной боли, от нестерпимо зудящих ожогов. Привезли, когда наплыв военной специфической клиентуры, от солдат и матросов, выловленных в «самоходе», до пьяных офицеров, дебоширящих на улицах города, еще не начался. Все закрутится ближе к вечеру и почти на всю ночь. Для личного состава гауптвахты это самое спокойное время, когда можно немного расслабиться, выпить чаю, а то и украдкой покемарить. Матрос первого года службы Василий Строев попал в это неласковое место, в общем-то не в самое плохое время. Вот и третье место службы за неполный год, учебка, корабль, и гауптвахта, находящаяся прямо в центре города. Если сесть на трамвай у КПП, то через одиннадцать остановок и каких то тридцать минут, он мог бы оказаться дома. Да что об этом думать, ведь это мечты неосуществимые, и близость дома только усиливает тоску. Мощные стальные двери, бесшумно задвинувшиеся за ним, ударили по нервам безнадегой тюрьмы. Надо напрячься изо всех сил и

думать — соображать, как сообщить своим, Светке, что он здесь, совсем рядом, а они уже придумают как ему помочь. Он просто не верит, что сможет в одиночку отсюда выбраться, за этот бетонный периметр, поверх которого натянута колючая проволока, зловещий атрибут неволи. На корабле-то связь со своими была четкой, но где сейчас он, и где этот корабль. Кто знал, что события будут развиваться так стремительно, и так непредсказуемо. И сколько пройдет времени пока его Светка выяснит, где он и что с ним. Только сейчас Васек понял какую глупость сморозил. Нужна была ему эта армия, как зайцу триппер. Вот и расхлебывай проблемы — непонятки, сыпанувшие, как из рваного мешка. Сейчас Строев знает одно и точно, без своих, в одиночку, ему отсюда не вырваться. Все это крутилось в голове арестованного матроса, пока его конвоировали два солдата от КПП в канцелярию для оформления. Пройдя длинным, ярко освещенным коридором, солдаты завели арестованного в комнату, где за столом стучал на печатной машинке майор, в черной морской форме. Ему и передали документы на матроса, в большом желтом конверте, который тот небрежно вскрыл. Пока он читал бумаги, солдаты стояли по стойке смирно, не шелохнувшись. Глядя на них, подтянулся и арестант, в этом заведении видно не шутят. Офицер

закончил читать, мельком глянул на матроса и приказал: «Сержанта Смирнова ко мне».

Один из солдат вышел, через минуту вернувшись со здоровенным парнем, в армейской зеленой рубашке без погон, с закатанными по локоть рукавами. Вошедший небрежно козырнул, пробурчал скороговоркой, что мол прибыл по вашему приказанию. Майор не заметил ни закатанных рукавов, ни отсутствия головного убора, ни небрежного приветствия. Он просто отдал пакет с документами, сказав: «Займись Коля матросиком, он к нам кажется надолго».

Сержант Коля сорвал с Васькиной робы погончики, а с пилотки звездочку. Кулаком двинул в бок, мол давай трогай. Опять ярко освещенный коридор, потом кабинет, в котором еле уместились стол и канцелярский шкаф, до того помещение было маленьким. Зарешеченное окно без штор, полумрак от стены периметра, которая просто упирается в это окно. И в этой казенной убогости великое чудо, на грязно — коричневом конторском столе, ярким красным пятном светит телефон. Такой веселенький, такой домашний, такой чужеродный в этой мрачно — унылой обстановке. Вот он момент, вот он его шанс, который грех не использовать. Всего один звонок и жизнь может измениться прямо сегодня, ну от силы завтра. Василий замер по стойке смирно, внимательно

изучая человека, сидящего перед ним, внимательно читающего документы. Сержант на пару лет будет постарше, и службу видно заканчивает. Лицо вроде не свирепое, даже слегка добродушное. Дай Бог, чтобы это соответствовало действительности, хотя в это верится с трудом, здесь не могут служить хорошие люди. Сержант иногда отрывается от бумаг, внимательно изучая стоявшего перед ним матроса. Взгляд спокойный, уверенного в себе человека. Если это так, то совсем неплохо, не побежит советоваться с тем же майором. С тупым служакой «каши не сваришь». Да и по поведению с начальником понятно, что этот парень вес здесь имеет, держит себя с офицером почти запанибрата. И здоров же падла, прямо налит природной силой, сюда наверное специально таких набирают. Пропустишь от него удар — мало не покажется, это тебе не качок сраный. А чтобы дело до ударов не доводить, намахался уже на свою шею, начинаем действовать прямо сейчас, сию минуту, пока одни, пока никто не мешает. Если и здесь попасть в бойню, то кранты обеспечены, по крайней мере здоровым отсюда точно не выйдешь. Ну что, попытка не пытка, как говаривал товарищ Берия, великий садист социализма.

«Товарищ сержант, разрешите обратиться?»

Произнес слова почтительнейше, с нотками страха и полной покорности. Служивый оторвался

от бумаг, непонимающе и раздраженно уставился на Строева. Да нет, ни такой уж у него и добродушный вид, как показалось вначале. Василий не отводит взгляда, смотрит на этого человека спокойно, в упор, пока тот не буркнул:

«Ну чего тебе?»

«Товарищ сержант, вам не нужно пятьдесят баксов, то есть американских долларов?»

Тот не спеша выбрался из — за стола, медленно подошел почти вплотную. Встал напротив, руки в карманы, слегка покачиваясь на носках чуть вперед — назад. Понятно, что «срисовал» с кого то эту позу крутого мена. Хотя на данный момент он для Васька точно самый крутой. Да и поза совсем не дурна, можно «зарядить» с любой руки и наверняка не промахнуться. Васек напряжен и внимателен, готов мгновенно уклониться от удара. Но сержант бить кажется не собирается, глядит в упор, через минуту цедит лениво:

«А у тебя «баксы» есть?»

Вот она победа, пока первая и еще очень маленькая. Главное что служивый заговорил, показал интерес, который правда пытается неумело скрыть. Нет, этот парень точно не относится к тупорылым служакам, диагноз верен на все сто.

«Да есть, правда дома».

«Дома говоришь. И мне надо тебя отпустить»

за ними? Так что ли?»

«Да нет, все проще. Я могу позвонить и их привезут».

«Привезет конечно мамочка. Как не привезти для любимого сыночка попавшего в полное говно».

«Нет, я маму в это не впутываю, не хочу волновать, сестренка привезет».

Заглотил наживку товарищ сержант, вот только насколько глубоко, пока еще непонятно. Ничего, ждать то недолго. Тебе скоро на дембель служивый, а на гражданке ох как деньги нужны, там ведь за просто так никто ничего не подкинет. Как и родная армия не подкинет тебе «баксов» за верную службу.

«И что ты хочешь за свои паршивые «баксы?»

Нравится ему это слово, говорит так, будто у него их немерено. Васек в душе ухмыляясь, продолжает канать под простого, совсем не показывая радости, что все кажется выгорело.

«Да ничего особенного. Ну режим чуть помягче, а главное еду с воли получать».

«И чтобы не работать?!

«Нет, что вы. Я работы не боюсь, все как то поразнообразнее».

Подкинул интеллигентное «что вы», пусть парниша успокоится. Пусть уверится, что можно «полечить лоха». Нет, до конца не верит сука, что то сомневается. Видно ярко описали корабельные

подвиги. А ширина плеч, да и кулаки набитые до мозолей, заставляют сомневаться как в интеллигентности, так и в лоховатости парня, стоявшего перед сержантом. И он осторожничают, лихорадочно прикидывая, что можно выиграть, а что потерять, разрешив этому «кадру» сделать звонок. А чем он собственно говоря рискует, говорить то он будет при нем. Что он сможет сказать такого секретного. Он то у них здесь по закону за свои хулиганские дела. Дорожка прямая за это в дисбат или на зону. По уставу задержанному звонить запрещается, но до дембеля всего — ничего, и в кармане тоже совсем ничего. А просит вполне реальные вещи, которые легко устроить. Так что пускай названивает, хоть сомнения просто разрывают душу. Уж больно не похож этот матрос на овцу безответную, такую бучу на корабле устроил. Он местный, пускай даже «крутой», и что с этого. Кто помешает держать его здесь по уставу, попробуй он схимичить с этим звонком.

«Значит говоришь сестренка «баксы» привезет? Вот только у тебя по бумагам никакой сестренки то нет».

«Есть товарищ сержант, двоюродная, и не одна. Кстати очень симпатичная».

«А может мама лучше?»

«Нет, сестренка скорее сообразит и

организует. Через часик на месте будет».

«Ладно брякни. Посмотрим что из этого получится. Только я тебя честно предупреждаю, если что не так, то не обессудь, я тебя лично и конкретно «урою». Фиг ты у меня отсюда здоровым выйдешь».

После этих слов сержант снова сел за стол, небрежно двинул телефон в сторону Василия. Быстро уломался служивый, вот тебе и долг с уставом, присягой, и прочей хренотенью. Теперь скорее звонить, пока ктонибудь не вошел, пока сержант не раздумал, недоверие прямо таки и светится в его глазах. Не переживай друг, не останешься без своих «баксов», все будет путем, и для тебя, и для меня. Первой Светке на мобильник, а она уже сама всех на уши поставит, моя маленькая и верная подружка. Молодец, ответила сразу, как чувствует, что ее пацан в конкретной беде.

«Светик, это я. Узнала родная? Слушай внимательно, я на городской гауптвахте, у вокзала. Ты сейчас в темпе лети сюда, передашь мне пятьдесят долларов, я в полном говне. Вызовешь на КПШ сержанта Смирнова, и ему передашь эти деньги для меня. Все поняла? У меня нет времени долго говорить».

«Все понятно, буду через полчаса, мы как раз в эту сторону едем. Целую, не переживай. Молодец

что позвонил».

Василий положил трубку и весело глядя на сержанта, сказал:

«Через полчаса подъедет, вам надо только выйти и забрать».

«Полчаса так полчаса, а сейчас давай в камеру. Пока в общую, а там видно будет. Если все получится как надо, устрою что ни будь получше».

Камера на десять человек, если судить по пристегнутым к стенам койкам. Холод собачий в этой бетонной конуре. Хорошо что под робой зимняя тельняшка. Как знала Светка, передала ее всего то неделю назад. В казенной полусинтетической, точно воспаление легких схватил бы. Хотя и шерстяная от этого не гарантия, морозит уже конкретно, и кажется скакнула температура. Только чуть — чуть спал напяр, только немного все определилось, так сразу стал чувствовать все. Только сейчас стал замечать, что каждое движение сопровождается болью, нудной, как зубной, когда одежда соприкасается с местами ожогов.

Встретили Строева товарищи по несчастью радостно, как долгожданного лучшего кореша. Никогда не оскудеет русская армия от лихих парней, а значит никогда не будут пустовать камеры гауптвахт. Вот они его новые сослуживцы, вернее товарищи по несчастью. Все солдаты, с

флота он один. Всех взяли в «самоходе», у всех алкогольное опьянение, сопротивление патрулю, попытки сбежать — отбиться, в общем еще те воины.

Сержант понял, что нисколько не прогадал, разрешив матросику позвонить. Из громадного джипа, подкатившего к КПП, выпорхнула девчужка, по виду совсем соплячка, но в сверкающих брюликами серьгах, и таким же ярким колечком. Ничего не понимающему в этих делах солдату, и то стало понятно, что эти штучки ну очень дорогие. Но улыбнулась девушка по свойски, почти ласково, как будто совсем не ее привез этот шикарный джип. Прижалась к его руке, увлекла за машину. Смирнов и не сопротивлялся, в волнении четко ощущая бицепсом ее упругие титьки. Но за машиной мгновенно отцепилась от руки, улыбаться правда не перестала. Из кармашка юбки достала квадратик зеленой бумажки:

«Ты хороший мальчик. А хорошему мальчику и платить хорошо надо. Держи соточку, будешь умницей еще получишь».

Девушка уже не просила, а приказывала.

«Еще пятьдесят тебе накинули, чтобы Строев в любой момент мог позвонить. Ты надеюсь не против этого?»

Будешь против, если в кармане сто долларов, а из машины вылезли и покуривают два таких

мужика, что и слепому видно, вкаты против — себе дороже. Сержант усмехнулся — урою, здоровье вышибу. Тут так уроешь, что и до дембеля не доживешь, это тебе не пацаны дворовые. Он и сам после службы будет прибиваться к такой «бригаде». Только вернется домой, сразу порешает вопрос с подобным трудоустройством. А сейчас надо все делать, как говорят. Сердце вещует, что это не последняя «зелень» в его кармане.

В другую камеру на четверых, Васек переходить не стал, в этой повеселее, да и не забылось почему то, как радостно его встретили. С появлением Строева, жизнь одиннадцатой камеры заметно улучшилась. В тот же туалет стали выводить почаще, и теперь не надо было нестись к этому самому толчку сломя голову. Курево перестало быть дефицитом, как хлеб и сало. Ежедневно заносил вечером эту немудреную посылку, кто — ни будь из солдат гауптвахты. Так прошло трое суток, а на четвертые всех обитателей одиннадцатой, сразу после завтрака увезли на работу в город, рыть траншею под теплотрассу. Поехали на гауптвахтовском «Урале», под охраной двух солдат. Василия морозило уже конкретно, все эти дни держалась температура. Он сегодня уже не может толком шевелиться, не то что работать. Скорей бы добраться до места и завалиться на солнышке, и плевать на все. Места ожогов гноятся,

лопаются, намокают, и нечем смазать эти язвы, нечем перевязать. Видно от этого и температура, морозит постоянно, даже в это теплое августовское утро. Он еще сутки назад попросил передать в камеру любую мазь от ожогов, бинт и пластырь. Терпеть уже невозможно эту постоянную боль. Может сегодня, ведь Светка точно знает в каком он состоянии. Рассказал же ей по телефону и она же спрашивала, почему он раньше об этом не сказал. На ответ, что думал все само собой пройдет, обозвала мудаком, потом заплакала. Сквозь тихие всхлипы пообещала, что все сделает и все уже крутится. И вот прошли сутки, а от не ни слуху, ни духу. Хочется лечь прямо на грязный пол кузова и забыться. И напрягаясь из последних сил, парень пытается медитировать, чтобы уйти от боли, от действительности, от всего на свете. И если Светка не смогла передать медикаменты, то на это есть причины. И разве проблема — какие то ожоги, температура и прочее. Разве он не мужик, разве не сможет сам разрулить свои проблемы. Конечно сможет, вот только бы сутки полежать не шевелясь, чтобы только чуть — чуть прийти в себя. Боже, как не хочется двигаться. Смазать бы саднящие места и перевязать, а то не отпускающая ни на мгновение боль, кажется просто пыткой. Жалко, но придется порвать тельняшку, и перевязать самые болезненные места. И все никак не получается

отгородится от этой боли медитацией, хоть на несколько минут. Не получается представить Светку, ее чуть смугловатое тело, шелковистый живот, и всю ее такую родную и желанную. Не получается, каждый удар машины в колдобине, мгновенно отдается, бьет тело электрическим разрядом. Продержаться бы пару дней, а там и к боли притерпишься, да и заживать уже должно. Это пройдет, а вот что с ним дальше будет? Куда кривая выведет, то ли в дисбат, то ли на зону. Заварил он «крутую кашу», теперь из — за него приходится крутиться всем. Но с другой стороны, он и сам сделал бы все возможное, случись беда с кем то из его друзей, не говоря уже о Светке. Если на то пошло, то все проверяется вот в такие моменты, которые и расставляют все на свои места. Он в принципе готов к самому худшему, скорее всего его сделают виновным по всем статьям, чтобы другим неповадно было поднимать руку, как на господ офицеров, так и на флотские традиции. Теперь то он здорово жалеет, что не воспользовался отмажкой от всей этой воинской халабуды. И стоило то это всего две штуки «баксов». Вот и отдал долг маме — Родине, какой он еще наивняк зеленый, что он успел назанимать у нее в свои то годы. И на флот сам напросился, в детстве школу юнг закончил, вырос у моря, всегда хотел покрасоваться на улице, во дворе таким настоящим моряком. Над этим Серж

постоянно смеялся, пацаном с глубинки называл, набитым романтикой и прочей чушью. Пускай так, но все равно хотелось носить бескозырку законно. Глупо конечно, он с четырнадцати лет в полукриминальном автобизнесе в полный рост, всякого насмотрелся, сколько за спиной крутой суеты и разборок. А вот от мечты детства не смог избавиться. Думал, что после всего этого, служба ему совсем не в напряг будет. Ведь его уличный опыт подкреплён шестью годами занятий боксом и восточными единоборствами. Что — что, а в этом он спец, это даже Серж признал, крутой профи в боевых единоборствах. И вот всего год в матросской робе, а за спиной столько непоняток, плавно перешедших в неподъемную проблему. Хотя эту неподъемность он немного сгущает, за спиной Серж и Светка, за спиной пацаны. Они все знают где он, и что с ним, они не оставят его одного. Они защитят матроса российского флота. Васек устало улыбнулся, представив как Светка, малышка весом чуть больше пятидесяти килограммов, защищает его, спеца в боксе, каратэ и еще черт знает в чем. Его маленькая подружка плакала, она очень сильно расстроена, его проблемы стали ее болью. А это значит, что она разрулит — закроет все непонятки в самое короткое время. Прикроет любимого собой, встанет непреодолимой стеной перед навалившимися на

него бедами. Он то знает ее нестигаемый характер и волю, и что скромничать, она же любит его. Наконец любимая женщина четко нарисовалась в сознании, и сразу ушла боль, и Васька уже нет в этом полутемном кузове грузовика. Еще немного и он обнимет, почувствует тепло ее тела, и на душе станет легко и спокойно. Она вдохнет в него силы, чтобы он смог выдержать это проклятье. Резкий рывок, скрип тормозов, возвращают в болевую действительность. А все равно уже полегче, и он может шутить над собой. Вот так всегда, намутил, накосорезил, влип конкретно, и сразу подтянул в первый эшелон, на линию огня, любимую. Скинул на нее проблемы, уверенный, что она поможет, поддержит и все сделает как надо.

«Урал» наконец остановился, слава Богу доехали, выгрузились, осмотрелись. Все недалеко, правда на другом конце от дома, но все равно это не расстояние, не такой уж он и большой его родной город. На месте солдат с нетерпением ожидал дядька — прораб, возле кучи лопат и ломов. Он было с ходу начал объяснять что и где рыть, но его мгновенно осадили. Давай сначала пожрать, а потом начнешь «петь» про работу. Попривыкали козлы все на шару — дармовщинку. В словах солдат слышалась такая ненависть, что прораб мгновенно угомонился, сходу пообещав еду и другие блага. Скорбным, тихим голосом попросил

начать работать, время мол не ждет, трубы надо укладывать срочно. Еще посетовал, что работать некому, повздыхал жалобно и тихо уехал. Скорее всего отправившись до военного начальства доложить — пожаловаться, что солдатики работать совсем не хотят, да и не солдаты это, а форменные бандиты.

Инструмент разобрали и разлеглись на травке, включая охрану, никто и не думал начать работать. После могильного холода камеры, так приятно отогреться на солнышке, и как хочется, чтобы это продолжалось бесконечно. Через часик Строева растолкали, и его радости не было предела. Приехали Серж со Светкой, в компании с какой то теткой. И вся эта работа затеяна, чтобы выдернуть его на свободу. Женщина вынесла из машин фанерный короб, в котором оказались горячие пирожки, завтрак для солдат. Еще каждому штрафнику досталось по двухлитровой бутылке апельсинового сока. Немудренная еда, а настроение поднялось на порядок. Подъехавший «Беларусь» с ковшом, и сразу начавший рыть траншею, привел солдатиков в бессознательное состояние от свалившегося на них счастья. Жратва, весь день полного безделья, лежи себе на травке под солнышком и прохлаждайся, что может быть лучше для военного арестанта. Светка тем временем шепталась с охраной, и со всем не безуспешно,

видно хорошо позолотила им руки. Так что они совсем не протестовали и оружием не бряцали, когда Васек сел к Сержу в машину. И та мгновенно рванула, весело, с шумом буксанув, от резко брошенного сцепления. Через часик парня осматривал ведущий специалист ожогового центра городской больницы. А еще через час он лежал весь перебинтованный в четырехместной палате для легких больных. Прощаясь Светка сказала, что все самое страшное уже позади, и теперь она, и только она будет контролировать его службу, и все что с ней связано, вплоть до дембеля. Она еще не знает, что сделает с этими гадами в погонах, но подумает и решит, они еще пожалеют о содеянном. А на гауптвахту вечером сообщат, что матросу Строеву стало плохо и он был госпитализирован в тяжелом состоянии в ближайшую больницу. На запрос вояк, дежурный врач сообщит, что матроса пока нельзя транспортировать. До следующего утра вояки скорее всего развернуться не смогут, а там уже подключаться ребята из городской прокуратуры, знакомые Сержа. Они обещали со стопроцентной гарантией отсечь парня от армии на время болезни.

Армейская власть и законность развернулись только на третьи сутки, попытались взять дело в свои руки, но мгновенно успокоились, получив копию истории болезни матроса, с ярким, почти художественным описанием ожогов и синяков.

Военная прокуратура связалась со своими гражданскими коллегами, и те пообещали подключить к делу общественность, прессу, и конечно комитет солдатских матерей. Поскрипев зубами, посетовав на не патриотичность гражданских, вояки отступили, ожидая выхода матросика из больницы. А пока попытались проверить корабельные службы в свете этого происшествия, но опять ничего не вышло. Вмешались какие то невидимые силы, которые все тихо притушили — замяли, все решив в узком кругу. В общем никаких разборок, никаких уголовных дел, с леденящими душу обывателя подробностями. Все живы и здоровы, ну и ладненько. А матросик то никуда не денется, ему еще служить и служить.

Вот так и случился в Васькиной службе незапланированный отпуск. Теперь его никто не тревожил и не беспокоил, и чем дольше все это продлится, тем лучше. Матери не стали сообщать, что он в больнице, совсем недалеко от дома. Зачем расстраивать, ведь впереди еще целый год разлуки, зачем добавлять седин родному человеку. И только сейчас, когда на тебя свалилась уйма свободного времени, Васек все проанализировал и с легкой паникой в душе осознал, на каком краю пропасти был. Хорошо что у него оказались за спиной близкие люди, друзья. Они до сих пор разруливают

его проблему, пока он прохладается в больнице, под теплым бочком любимой. Не дай Бог в одиночку попасть в такой переплет, точно кранты будут.

Через неделю Светка сообщила, что все наконец утряслось, на корабле к нему претензий нет, по крайней мере на словах, военная прокуратура тоже на все закрыла глаза. Но тут им деваться некуда, слишком все запутано — переплетено. И лучше этот «клубок» не трогать, ведь точно затронешь интересы уважаемых людей, которые могут «засветиться» на фоне истязания матроса срочной службы. Зачем этим негативом добивать последний авторитет армии, и так ее боятся, как черт ладана. Планы мести скорее всего вынашивают, Светка говорит, что из неофициальных источников точно известно, что Строева после больницы вернут на прежнее место службы, то бишь на корабль. А пока из больницы нельзя даже носа высовывать, настолько все серьезно закручено. Сидеть тихо, вернее канать под сильно больного и ждать, пока Серж гарантированно не утрясет вопрос с новым местом службы. И Васек совсем не жаждет встречи с прежними отцами — начальниками, он теперь точно знает, чем все это может закончиться. Светка лежит на плече у своего матросика, на узкой больничной койке, после бурной любви.

Умиротворенная и счастливая все шепчет и шепчет любимому, переходя от спокойного повествования текущих дел, вновь на тему любви, с которой она живет все эти последние дни. Пытается добиться от парня таких же горячих признаний в любви, какие она не жалеет для него.

«Ну зачем я влюбилась, как последняя дура? Ведь ты то меня совсем не любишь. Я для тебя просто подружка, соседка по дому и постоянная давалка».

«Зачем ты так? Мы с тобой больше, чем друзья — любовники. И кто знает, что такое любовь и на фиг она нужна? Вот ты всегда рядом и мне хорошо. Я сколько себя помню, мы всегда вместе, во дворе, в детсаду, в школе Вот и думай кто мы друг для друга, может это и есть любовь. А ты сама то представляешь что это такое? Я знаю одно, за тебя жизнь отдам не задумываясь».

«Не надо мне таких жертв, лучше бы замуж взял».

«Вот так всегда, начинаем про любовь, заканчиваем загсом. У тебя эта идея становится навязчивой».

«А что в этом плохого? Я хочу быть женой, госпожой Строевой, а не какой ни будь подружкой».

«Слушай Светик, давай эту тему до конца моей службы закроем. Будет у нас еще время этот

вопрос порешать, впереди целая жизнь».

Настроение у Светки сразу испортилось, хоть виду и не подавала, просто сразу засобиравалась домой. А Васек как обычно ничего не заметил, не уловил. Его мысли и желания были совсем о другом, более близком и таком восхитительно желанном. Он легко смял сопротивление, взгромоздил подружку на себя, непрерывно целуя ее шею, плечи, грудь. И Светка уступила сначала силе, куда денешься голой от таких сильных рук. Чувствуя, как парень загорается страстью, через минуту сама пылала, смотрела на своего мужчину затуманенным взглядом, двигаясь всем телом вверх — вниз, все убыстряя темп. Еще немного, и она просто задыхалась в сладких объятиях, и сама плотно и сильно сжимала ногами тело любимого, такого родного и такого противного. Любовная гонка пронеслась одним мгновением, унеся с собой плохое настроение. И Светка снова уютно расположив голову на сильном мужском плече, совсем забыв, что собиравалась домой, спрашивает Ваську, пытаюсь досконально выяснить, что произошло с ним в этой дебильной армии. Почему он весь в ожогах, и что он такое сотворил, что на него ополчилось все флотское начальство.

«Ты мне первопричину расскажи, с чего все это началось, где первый раз бабахнуло?»

«Вот тут я точно виноват, не смог сдержаться. Но опять же, может это для кого то пустяк в морду за просто так получить, а я не могу, сразу взрываюсь. Сама посуды, подходит ко мне на верхней палубе какой то хмырь, которого я первый раз вижу. На корабле команда человек семьсот, где всех узнаешь. Такой весь при усиках, беска на затылке, роба отутюжена, дембель одним словом. Я про себя никому ничего не рассказывал, а этот сходу гундосит, мол ты каратист что ли. Я молча слушаю, как и положено при общении с «дедом». А он что то втирает — гундосит, и вдруг неожиданно, это правда ему так казалось, хрясть правой мне в голову. Я считай по стойке смирно стоял, ведь со мной общается «дедушка российского флота». Но отклониться все же успел, хоть и не совсем. Достал чутка сука, губы разбил. И я в ответ, почти автоматически, ему левой точно в подбородок. Вроде и не сильно, но «дед» сначала на четвереньки встал, потом прилег, уткнув «фэйс» в палубу, только бескозырка покатила блинком к борту. Тут конечно сразу ор поднялся, народ набежал, а я по тихой в кубрик. Но уже через час меня вычислили, губы то разбиты, распухли что вареники. Сначала «бычек» затряся от негодования, главный мой начальник, кап три. Мол как я посмел на корабле кулаками махать. В ответ я прямо и спокойно сказал, что тот хмырь первым ударил, разбитые

губы тому подтверждение. И я не виноват, что «дед» таким хлипким оказался, от легкого толчка в обморок упал. Зато теперь думать будет, прежде чем замахиваться. На том вроде бы все и затихло, так я по наивности думал. А оказывается все еще только начиналось, ведь это не слыхано, салага на флотские традиции хер положил. Дня через три, за час до отбоя, вызывают меня на пост, к командиру БЧ, моему главному начальнику. Поднимаюсь в штурманскую, а там его заместитель, старлей, картами занимается. Доложил как положено, он так искоса глянул и приказывает принести из хранилища набор карт, с такого то номера по такой. Немного удивился, это помещение в трех метрах от штурманской, что сам не может взять. Обычно корректурой карт в этом хранилище и занимаются, там стол большой, намертво приваренный к палубе. Все под рукой — инструмент, лощи, карты на стеллажах. Иду выполнять приказ, коли господин офицер не может сам пройти три метра. Только комингс переступил, сразу все понял, ждут меня не дождутся пятеро «годков», хранителей флотских традиций. Улыбаются радостно, проходи мол, не стесняйся. Двое мня сразу от дверей оттерли и ее на задвижку. Помещение в общем то не маленькое, но стол занимает две трети пространства, вот он то и будет служить естественным препятствием, не даст «дедам» развернуться всем одновременно. Я шаг за

шагом подальше в угол забиваюсь, чтобы прикрыться как можно понадежней, разборка вот — вот начнется. Сомнений нет, бой будет конкретный, ребята против меня совсем не хилые. Страх не было, а вот на душе паскудно, старлей прямо в душу плюнул, сам вызвал на разборку, командир называется. Но это все мельком просквозило, не до этого, главное не зевнуть, обстановка то в любой момент взорваться может. Двое у дверей, трое за столом стопку за стопкой накатывают, тушенкой закусывают, на меня ноль внимания. Наконец один встает, немного на грузина смахивает, руки разминает. Маечка — тельняшка на нем прямо до звона натянута, весь в мускулатуре, на борца смахивает. Приблизился с такой небрежной ленцой, но я то вижу, глаза напряжены, готовится значит. Я и не стал ждать, кинул ему пилотку в лицо и захват под руки, чуть на себя и от палубы оторвал. Он среагировал грамотно, попытался мою голову двумя руками назад отжать, чувствую силен бродяга. Руки мощные, но им расстояния и упора не хватает, носками ботинок только по палубе чиркает. И я работаю на захват, прижимаюсь как к родному. Тяну его вверх и на себя, делаю пол — шаг назад, чтобы качнуться, и падаю вперед. Весом двух тел припечатал спину борца на угол стола. Удар такой силы получился, что мой противник мгновенно обмяк и просто сполз на

палубу из моих объятий. Я не стал ждать пока другие сообразят что к чему, несколько ударов в разброс и ребята поняли что к чему, с кем дело имеют. У нас же у русских как, все герои, пока имеется гарантированное преимущество. Чуть жареным запахло, сразу в кусты, подальше от греха. В общем деды мне препятствий не чинили, не мешали покинуть их высокое собрание. Я еще рулон карт прихватил, как старлей приказал. Правда уже по номерам не отбирал, взял который поувесистей. Ему сейчас не до корректуры будет. Уходя к борцу наклонился, слишком он жалобно стонал. На спине у него синячище громадный, но в стороне от позвоночника и выше правой почки. Так что ничего страшного. Можно сказать что он еще удачно отделался. А стоны — видно от болевого шока отходит. Досталось то конкретно, по полной получил. Я еще пилоточку свою подобрал, надел четко, по уставу и вперед, на выход, с картами наперевес. Захожу в штурманскую, а у старлея от удивления глаза округлились при моем появлении. Не стал я затягивать представление, пока никого нет, и этот козел застыл в изумлении, как изваяние. Рулоном карт ему по башке хрясть, у него глаза совсем чуть из орбит не повыскакивали. Тут же рулон в сторону и за горло левой, прижал к переборке. Теперь он не только глаза, но и язык вывалил. Не представляешь, как я его не хотел

отпускать, руку с трудом разжал. Вроде и недолго держал, всего то пару секунд, а штурманец на палубу сел и кашлем весь изошелся. Подождал минуту, лицо у того в слезах, соплях, но дышит полной грудью, значит очухался, помощь не нужна, и я ушел к себе в кубрик.

«А если бы ты его задушил, что тогда?»

«На зону прямой дорогой. Ты как верная подруга передачи носила бы».

«Смеешься, весело тебе. Сколько раз тебе повторять, не лезь куда не надо. Но ты же у нас герой, смелый и очень сильный».

«Тебе ничего рассказывать нельзя. Ты как мама, сразу начинаешь распекать за все подряд. Ну не могу я, когда меня за просто так по лицу бьют».

«Значит я как мама тебе. Вся разница, что ты еще спишь со мной, все никак от моей юбки оторваться не можешь. Ничего себе сравненьице». - Светка не на шутку психанула, резко отстранившись.

«Зря обижаешься. Я тебя правда как маму боюсь, так и хочется что скрыть, что то приврать. Ты маленькая, а по характеру наверное сильнее меня. Вот и строишь меня постоянно. А за юбку твою совсем не держусь, ты у меня первая и пока единственная, я и не знаю как с другими. Знаешь, я о тебе всегда думаю. Когда мне хорошо, и когда мне плохо. Зачем за слова цепляешься, стоит ли по

пустышкам ссориться. Давай лучше повторим, ты же у меня самая лучшая и любимая».

И разве Светка может отказать своему мужчине, когда его слова прямо бальзамом ложатся на душу, ни за что, да и самой, что там говорить, уже снова хочется. Пусть он не любит ее, пусть она ему нужна только как женщина, ну и что. Она желанна, и это совсем на сегодня не мало, а дальше видно будет. Может со временем что то и изменится в их отношениях, может сольются не только телами, а и душами. Она, если честно, тоже не представляет что такое любовь, про которую так много говорят, пишут, и показывают в кино. Ей просто хочется, чтобы ее Васек все время что ни будь шептал нежное на ушко, чтобы просил и умолял стать его женой. Но вряд ли случится такое чудо, и она совсем в это не верит. Да и жизнь вот разлучила на время, сколько еще впереди вот таких непоняток, как эта. Когда думаешь не о любви, а об элементарной выживаемости любимого. И удастся ли все преодолеть, жизнь подкидывает так много проблем. Стоит ли всем этим забивать голову, пусть все идет как идет, ведь все будет, как на роду написано. Узкая больничная койка, в арендованной на пару часов одноместной палате, снова равномерно поскрипывает под тяжестью соединившихся в любви тел. Светка снова наверху, нисколько не стесняясь своей наготы, вся горящая

от напряженного и жадного взгляда мужчины, не отрывающего взгляда от ее груди. Она массирует сильное мужское тело, оставляя на нем следы ногтей, замирая от нахлынувшего чувства, ищет губами его губы. И он мгновенно откликается резкими движениями тела, она чувствует его горячие руки, они так жадно ее ласкают везде, как будто их близость самая первая. И до умопомрачения приятно ощущать груди в чашечках его ладоней. И она закрыв глаза, уже не различает, то ли руки, то ли губы любимого, нежно массируют ее упругие груди, с набухшими и ставшими такими твердыми сосками. И кажется бесконечно долго длиться эти божественные мгновения.

Время летит незаметно, и уже пора освободить приютившую их палату, и как не хочется этого делать. Не хочется отрывать рук друг от друга, так не хочется разъединять тела. Но любовная истома потихоньку уходит, уступая место действительности, и всему тому, что она несет с собой. И не в силах расстаться, сидят в полутемном и пустом фойе больницы. Светка пригревшись на коленях у парня, в полудреме, слушает его корабельную одиссею. Счастливая, что все это позади и никогда больше не повторится, потому что она рядом.

«Ты про ожоги поподробней, хочется знать, кто на такое способен. Я читала твое заявление в

прокуратуру, в общих чертах поняла, а в деталях нет».

«Дальше все просто, по отработанной схеме. Если не можем силой, сделаем по другому, задрочим работой. Днем служба и прочее, а по ночам авралы. И так до тех пор пока не сорвешься, пока не станешь кандидатом в дисбат. И вот через недельку, сразу после ноля, вызвали десять человек из нашего кубрика на авральные работы, в распоряжение командира БЧ -5. Я еще подумал, не из — за меня ли эта суета. Видите ли им котел приспичило ночью чистить. Это такая бочка в диаметре метров пять, и высотой три с лишним. С боку лючок открыт, полметра от палубы. Мичман задачу ставит, надо залезть внутрь через этот самый люк и внутри стальной щеткой чистить трубки. А так как котел совсем недавно еще был в работе, и еще толком не остыл, работать будем по очереди, по десять минут, до утра надо закончить. А как только он показал на меня, давай первым, я уже не сомневался, готовится какая то гадость. Но приказ есть приказ, лезу внутрь. А там теснотища и жара, которую я сначала сильно не ощутил. И вдруг гаснет переноска, такая маленькая лампочка в стальной сетке. Я подумал перегорела, назад к люку, а он задраен. Вот тут до меня дошло, во что я влип. Пока залезал, устраивался, пока через люк воздух какой — никакой шел, я ничего толком

почувствовать не успел. Да и что почувствуешь за пару минут. А как ткнулся в закрытый люк, так сразу оглушило от страха и жары, нехватки воздуха. Тут я всю силу воли в кулак собрал, йогу вспомнил. Наконец понемногу успокоился, расслабился и почти спокойно принял решение. Снял фланку и ей укутал голову, оставил только дырку дышать. Ботинки, гады по флотскому, под задницу. Основное место упора, чтобы не поджарить. Ремень к ногам, под пятки. И все это в темноте, в жаре. Вот и нахватал ожогов, был то без тельняшки. Замер на трех точках, пятки на ремне, задница на гадах, голова и плечи на фланке. Расслабился полностью, дыхание отрегулировал, пульс сбил до семидесяти ударов. Впал в легкое забытие, внушая себе и почти реально представив, что я на берегу моря, загораю, и мне так не хочется лезть в холодную майскую воду. Вот эта ледяная вода все время присутствовала в моем сознании, воображении, создавая иллюзию холода. Так и медитировал, потеряв счет времени. Главное не паниковать, чем ты спокойнее, тем меньше влаги теряешь, меньше шансов получить тепловой удар. Надо настроиться на что то хорошее, которое вот — вот исполнится. Люк откроют и меня вытащат. Не век же мне угорать в этом аду. Воздух хлынет свежий и я уйду спать в кубрик.

«А обо мне почему не думал? Честно, думал

обо мне в тот момент?»

«Нет конечно. Если бы я тебя представил, то конечно голый. И у меня бы сердце точно выскочило из груди. И фиг бы я тебя когда увидел, не говоря уже о другом. Прости подружка, я там думал только о холодном море, ледяной воде. Как мне хорошо греться на солнышке. Как мне не хочется лезть в эту воду, что просто морозит. Хоть и солнце печет со страшной силой».

Светка опять обиделась, услышав слово подружка. Пришлось ее уговаривать, разубеждать, просить прощения. Правда совсем не понимая, как из — за такой ерунды можно конкретно ссориться. Смеясь клялся, что никакая она ему не подружка, а любимая и единственная. И она под поцелуями, и словами, так ласкающими слух, как и от нежных прикосновений рук, постаралась забыть это противное слово, торопя парня продолжить рассказ о своих флотских злоключениях.

«С йогой и жарой все понятно, ты поподробней уголовные моменты освещай, чтобы знать, что нам эти уроды предъявить смогут».

«А там ничего уголовного то и нет. Просто неадекватное поведение матроса, потерявшего сознание от жары. Я свои действия не контролировал, находясь в полубморочном состоянии».

«Все правильно, наши адвокаты все так и

преподносят. А как ты выбрался? Или тебя вытащили?»

«Оставшиеся снаружи ничего не слышат, не подает признаков жизни матросик. Обычно кто туда попадал, начинали долбить в люк ногами, пока конкретно не вырубались, а тут тишина подозрительная. Подождали еще минуту и мичман приказал отдраить люк. Ребят из нашего кубрика он убрал, на другие работы перебросил. Остался сам и двое каких то первогодков — корейцев. Они вскрыли лючок, посветили внутрь, а я лежу в полном отрубоне. В котел такой чистый и холодный воздух хлынул, что я мгновенно стал соображать что к чему, потому и не спешил выбираться. Страх совсем пропал, осталась ненависть к этим гадам. Вот и лежу трупом испеченным, жду эвакуации. Мичман перепугался, не стал никого в помощь звать, сам в котел сунулся. Пытается меня поближе к люку за ноги подтянуть, но мощей не хватает. Он еще сильнее поднапрягся, и дело вроде бы пошло. Я змеей сокращаюсь, помогаю значит. И вот когда ноги были у самого люка, я правой прицелился, а за левую как раз мичман тянул, четко и припечатал ему правой ногой в подбородок. Хоть и расстояние было небольшим от его морды до ступни, удар получился хороший. С винта, крутнувшись всем телом против часовой стрелки. В результате у этого козла

сотрясение мозга, зубов передних как не бывало, и в нижней челюсти трещина. Для него я думаю, эксперименты с котлом закончились навсегда. Матросик — кореец, увидев харю мичмана, вылетевшего из котла, так перепугался, что сразу вызвал командира БЧ. Тот как раз был обеспечивающим по кораблю. Примчавшийся кап два, увидел израненного подчиненного и тоже, не думая башкой, влез наполовину в котел. И сразу попал в захват моих ног, вернее упор. Правая нога давит под подбородок снизу в верх. А левая нога тоже вверх, только под правую руку. Кап два попытался скинуть ногу с горла, но его правая рука встретилась с моей левой. Мы пальчиками сплелись — сцепились так, что его суставы хрустнули, и «бычок» сразу успокоился в ожидании спасения извне. Двадцать минут торчал жопой из люка, пока матросы не догадались вскрыть еще один люк. Как только тот открылся, я отпустил бедолагу и отполз на старое место, снова потеряв сознание. А может и вообще в чувства не приходил, и все сотворил в бессознательном состоянии».

«Ну это ты будешь на суде говорить, если до этого конечно дойдет. А вообще то ты зря это заварил, много минусов получается. В закрытом военном суде никто не поверит, что ты все это творил ничего не соображая, влепят по полной».

«Не получится- значит узником совести буду.

Но думаю, что до разборок дело не дойдет, вы же приличный компромат набрали.

«Понятно что не допустим до этого, но расслабляться все равно не стоит. Что с тобой сделали, когда из этого котла извлекли?»

«Вытащили за ноги не церемонясь, и окатили ведром забортной воды. И я мгновенно пришел в себя. Заодно и пословицу на себе проверил, из огня да в полымя. Врача на корабле в ту ночь не было, так что отволокли меня в кубрик и бросили на шконку. А после обеда под конвоем отвезли на гауптвахту, я и сам не понял почему именно туда».

«А потому, за избиение мичмана раз. За попытку нанести тяжелые телесные старшему командиру два. Подержали бы тебя там с месячишко, пока следы от ожогов пройдут, да дело юридически обосновали — подготовили, и прямая тебе дорога в трибунал. А что ты хотел? Один покалечен, у второго от жары и стояния в неприличной позе чуть инфаркт не случился. А что прикажешь делать то с больно вспыльчивыми. Только под суд и не как иначе. Хорошо что ты соизволил позвонить, и мы завернули дело на другой путь. От армии тебя уже не отмажешь, так что придется дослуживать. А вот где, Серж позаботится к твоей выписки, думаю что все будет в порядке».

До расспрашивала, догладила, до терлась, что

снова оказалась с расстегнутым лифчиком, с горячими поцелуями в шею. И самой уже не хотелось покидать колени парня, но к сожалению не место и не время, поздно уже. Да и этот вечер разве у них последний, завтра наверстаем — повторим. И нехотя освободилась от ласковых и нетерпеливых рук, привела себя в порядок, решительно покинула любимого, который так сожалел, что любовный огонь не был потушен сегодня до конца, и который пыхнул сильнее при прощальном горячем поцелуе.

К концу рабочего дня, где то около семнадцати, Сергею Алексеевичу Семенову позвонила жена и сообщила, что служба сервиса центрального ресторана привезла им продукты для торжественного ужина. Марина Владимировна, супруга Семенова, не знает что делать, люди стоят на площадке и ждут ее решения. Она не имеет понятия от кого все это, думает что может по линии службы супруга. Вот она и звонит ему чтобы посоветоваться. Звонок ясности не внес. Муж как всегда устранился за простым солдатским решением, мол гони в шею и дело с концом. Скорее всего это один из вариантов взятки, налаживание связей, чтобы кого то куда то хорошо пристроить. Кстати Сергей Алексеевич занимал приличную должность при штабе, имел звание полковника и прямой доступ к назначению и распределению

военного люда по службе. Мест «тепленьких и дюже хлебных» было много, как и людей желающих служить не там где надо, а там где хочется, вот и лезут с подобными вещами. Так что полковнику частенько предлагали много всякого разного, начиная от марочного коньяка и заканчивая крупной суммой денег в конверте. Все это полковник всегда решительно пресекал, правда не вынося «сора из избы», оставаясь по старомодному честным и порядочным. В общем дело в банальной взятке решил штабист и просто выкинул из головы звонок жены. Марина Владимировна получив простое и четкое указание, выполнять его не спешила. Хоть она и жена военного, но решать привыкла сама. Правда все всегда обдумав и взвесив. Гнать в шею легко, а вот узнать что и почему будет посложнее, уж больно все это не похоже на армейскую взятку, не делают так в армии. А выяснив, не надо будет мучиться и терзаться в сомнениях. Молодые люди из службы доставки просили ее поскорей решить вопрос и отпустить их. Она тоже в этом заинтересована, но как она может на что то решиться, если не знает элементарного, кто все это затеял и зачем. Пусть они сами звонят в свою фирму, выясняют что к чему, кто заказчик всего этого. Старший внял этому доводу и такому простому решению, и уже через минуту получил указание ждать, скоро на место

прибудет клиент, все это заказавший. Это другой разговор, все понятно, осталось дожидаться неизвестного то ли просителя, то ли благодетеля. Он вскоре и появился, через каких то двадцать минут, молодой мужчина немногим за тридцать. Все в нем было по Чехову — прекрасно. Мужественное лицо, спортивная фигура, просто бросающаяся в глаза. Серый костюм с рубашкой в тон, явно из очень дорогого магазина. Улыбнулся тепло и искренне, представился Сергеем. Смотрел в глаза женщине так, что заставил ее дыхание немного сбиться, а сердце застучать чуть сильнее.

«Марина Владимировна, я виновник этого мероприятия. Давайте в квартиру войдем, чтобы при посторонних не объясняться».

Женщина молча пропустила мужчину в прихожую, не приглашая в комнату, мол объясняйте здесь и поскорее. Постаралась придать своему красивому лицу, выражение холодного и полного безразличия.

«У меня очень важный разговор к вашему мужу, и я хотел бы провести его в теплой и дружеской обстановке. Так сказать непринужденной. Потому и вся эта суэта с ужином. Я не буду вдаваться в детали, но уверяю, разговор состоится в любом случае, не здесь, так в другом месте. Это так же неотвратно, как восход и заход солнца, простите, что выражаюсь так высокопарно.

И я вам клянусь, ничего страшного в этом разговоре нет, скорее всего от него выиграет ваша семья, ну и разумеется мы. Вы умная женщина, потому и прошу вас посодействовать, не чинить препятствий хотя бы с этим ужином.

Женщина молчала, не зная на что решиться. Говорил мужчина убедительно, и кажется совсем не хитрил. Она закончила в свое время театральное училище, мгновенно чувствовала в словах и поступках людей игру, фальшь. Может она не в состоянии уловить это, потому что незнакомец смотрит на нее своими серыми глазами так, что она в свои сорок лет трепещет в душе, как девчонка. И наконец выдавливает из себя какой то дурацкий вопрос.

«А вы не офицер?»

«Нет, и никакого отношения к армии не имею».

«Странно, тогда я вообще ничего не понимаю».

«И не ломайте голову, впускайте людей, пусть занимаются столом. Как я знаю, ваш муж обычно к семи возвращается. Пока руки помоеет, себя в порядок приведет после долгого рабочего дня. Я приеду ровно в двадцать ноль — ноль, выражаясь по военному. Хорошо?»

«Вы меня ставите перед таким трудным выбором. Я так боюсь решиться, так много

неясного в этом».

Марина Владимировна уже кокетничала, она приняла решение, не удержавшись от роли такой беззащитной и наивной домохозяйки. Ну просто вынужденной слушать уговоры. Терзаться в сомнениях, и конечно, в конце концов подчиниться силе и напору.

«Да не переживайте вы так, дело то в общем пустяковое. Вы сами подумайте, смогу ли я расстроить такую красивую женщину». — мужчина принял ее игру, уговаривал, успокаивал, зная точно конечный результат.

«Еще один момент, я буду не один, с женщиной, коллегой, вернее партнершей по бизнесу. Все, по глазам вижу что согласны. Поверьте, это для нас очень и очень важно».

В глазах мужчины она видела то, о чем мечтает каждая женщина. Ведь как поспешил предупредить, что женщина, которая будет с ним, только коллега и не больше. Убедившись, что со стороны хозяйки нет возражений, он открыл дверь, приглашая людей из сервиза заняться столом. Уходя улыбнулся ободряюще, коснулся ее пальчиков, слегка сжал, держа в своих ладонях чуть дольше, чем следовало. Она слышала как за ним хлопнула дверь подъезда.

Звонок раздался за минуту до того, как полковник Семенов хотел уже покинуть кабинет,

звонила снова жена.

«Дорогой, стол накрыт, и просто ломится от всякой вкуснятины. Звоню тебе, чтобы предупредить и подготовить. Я сама еще не знаю, правильно ли поступила. В общем жду».

Сергей Алексеевич положил трубку, думал мгновение, откинув голову на спинку кресла, прикрыв глаза. Принял решение и по внутренней связи позвонил своему другу Петру Аркадьевичу Плишко, тоже полковнику, правда курирующего более мобильное и боевое подразделение во флотской контрразведке, чем Семенов с его в основном кадровыми вопросами. В двух словах объяснил суть, заручился согласием того отужинать сегодня тем, что выражаясь вульгарно, подогнали не званые гости. И только после этого покинул кабинет, направляясь к уазу с личным шофером — матросом. Дома нервная обстановка ожидания, жена суетится между кухней и залом. Дочка — студентка с книжкой, но не читает, вся в ожидании каких то непонятных событий. С разницей в десять минут приехал Петр Аркадьевич, и сразу разрядил тягостную обстановку ожидания своим оптимизмом и всегда хорошим настроением. Его улыбающееся лицо приободрило хозяев, таких напряженных на фоне красиво сервированного стола, празднично сверкающего стеклом цветных бутылок.

«Ну что приуныли, мои милые? Ваши лица,

как на панихиде. Еще не знаете что к чему, а настроение уже пораженческое».

«Будет пораженческое, не знаю что и думать. Не к добру все это».

«А зачем тебе думать то. Через полчаса все узнаем. Стоит ли заранее голову ломать, себя истязать. А может грешки какие есть? И ты боишься последствий, тогда другое дело. Есть что ни будь темное?»

«В том то и дело что все абсолютно чисто, как никогда. Передвижек сколь значительных уже полгода не было. А те что случались, согласовывались на самом верху».

«Все, хорош гадать. Давай лучше по стопке коньяка примем, лишнее не будет. То я с этой службой и запах его забывать стал».

«Как то неудобно не дождавшись».

«Так и не надо со стола. Давай твоего на кухне, так сказать под рукав».

Ровно в назначенное время, Серж со Светланой появились в квартире не последнего флотского начальника. Короткое знакомство и настоятельная просьба хозяев прояснить этот непонятный визит. Присутствующие явно озабочены, у всех в глазах тревога и вопросы. Нет не у всех, у юной Семеновой скорее нетерпение и любопытство, так все интересно и таинственно.

Говорить начал мужчина: «Не буду вас

томить, коротко изложу суть. Наш друг, две недели назад, на одном из кораблей флота, из — за издевательств начальников — офицеров, получил ожоги второй степени, что подтверждено документально врачами. Он сейчас лежит в городской больнице. Дней через двадцать его выпишут. И ему придется вернуться на прежнее место службы, к тем же начальникам — садистам. А мне, как его другу, этого совсем не хочется».

Сергей Алексеевич мгновенно взбодрился, сходу «въехав» в ситуацию. Он к этому никакого отношения не имеет, его вотчина офицерский корпус, а не передвижка воинов срочной службы. Не туда обратились мои милые, не тому столу накрыли, чуть не засмеялся про себя полковник, ничем он не сможет помочь этому матросику.

«Что вы хотите от меня конкретно?»

«Совсем немного, чтобы вы помогли нашему другу с новым местом службы. Вот такой небольшой пустячок, и наша благодарность будет безгранична».

«Во первых это противозаконно. Во вторых я не занимаюсь рядовыми срочной службы. Да и не в моих правилах нарушать закон, идти против совести».

Прозвучало это как то неестественно высокопарно, даже супруга глянула на него внимательно. И кажется неодобрительно качнула

головой. Мол глупость сморозил несусветную, что сразу же и подтвердилось.

«Значит вам мешает совесть и закон. Сейчас я поподробнее освещу этот момент. Почему мы обратились именно к вам, товарищ полковник?»

«Откуда я знаю, ошиблись наверное, неправильная информация». — Сергей Алексеевич был уверен в себе и снисходителен.

«Отвечаю. Нам в штабе посоветовали. Объяснили, что все тепленькие места в радиусе десяти километров от штаба, укомплектованы сынками, чьи родители имеют вес в обществе и соответственно деньги. И под всеми назначениями, или как там их у вас называют, одна из подписей ваша. Еще нам в штабе сказали, захочет полковник Семенов вам помочь, значит результат будет гарантирован».

«Ну и причем моя подпись, решение принимают совсем другие люди, я там для количества. Один из многих членов комиссии».

«Не надо скромничать, на документе подписей всего три. И если не будет вашей, не попадет матрос служить на бутафорский мемориальный корабль. Или в тот же санаторий для старших офицеров. Так что зря вы скромничаете, уменьшая свой штабной вес. Кстати вот копии тех бумаг, не хотите взглянуть? Через недельку они могут появиться в независимой прессе. Страшного

ничего не произойдет, но вы то знаете как начальство болезненно реагирует даже на небольшой негатив, даже почти законный. Кресло у вас высокое и теплое, многие наверно на него зубки точат. Не исключаю, что связи у вас могут быть хорошие, но все равно лучше не отсвечивать. Начальство не любит даже маленькие пятнышки на солнце, образно так сказать выражаясь».

«Значит вы решили заняться элементарным шантажом». — вступил в разговор полковник Плишко.

«Это не шантаж. Это вынужденная мера защиты. Я говорю прямо, в достижении своей цели, мы не перед чем не остановимся, цена вопроса — жизнь нашего друга. Кстати, в чем военная тайна, пусть широкая общественность узнает, где служат дети рабочих и крестьян, а где те, чьи родители с возможностями. Вам лично это надо? Что нам мешает решить это пустяковое дело, не поднимая шума, и к обоюдному удовлетворению сторон. И в знак нашей благодарности мы конечно не ограничимся этим накрытым столом».

Катя сидела и слушала разговор, вернее монологи одной стороны, чуть ли не с открытым ртом. За эти минуты она узнала такое, во что не могла просто поверить. Морские офицеры, такие как папа, довели матроса до больничной койки. И сам папа замешан в чем то неблагоприятном, если он

так нервничает, читая переданные ему листочки. А вот мама молодец, она прямо как компьютер, решающий сотни задач в секунду, спокойна и деловита. Так и есть, что то решила, берет инициативу в свои руки. Вот только не нравится, как она смотрит на этого Сергея, прямо глаз с него не спускает.

«Молодые люди, все понятно в общих чертах. Но будет лучше, если вы изложите свою просьбу поконкретнее, в деталях. Мы поняли и согласны, что все это надо решать обязательно».

Сергей улыбнулся хозяйке, уже как своей союзнице. Он был готов сказать ей, что покорен ее красотой и умом, но понимает что это невозможно. Да и сейчас только слепой не заметит, что его интерес к ней гораздо глубже, чем еще какой то час назад.

«Марина Владимировна, нам всего то надо, чтобы наш друг служил недалеко от дома, чтобы мы всегда могли ему помочь. И чтобы часть была с нормальными офицерами, дисциплиной и прочим. Вот и все».

«Вы думаете есть такие части и офицеры?» — женщина усмехнулась.

«В идеале конечно нет, но кое что близкое к этому имеется. В школу оружия флота, радистам, нужен заместитель командира по физподготовке. Вот и все детали».

«Вы понимаете что говорите?» Это офицерская должность. К тому же инструктор должен обладать спецподготовкой, подтвержденной документально». — загорячился Семенов.

«А вы не знаете про один из «очагов» флотской культуры, в котором два матроса срочной службы на офицерских должностях, деньги кстати получают хорошие. Там в бумагах это кажется есть. А наш парень в зарплате не нуждается, хотя звание главстаршины ему совсем не помешает. И документы у него есть. Он инструктор по рукопашному бою, может пройти переаттестацию. Или как это у вас называется. Кстати из неофициальных источников, школа оружия на грани закрытия. Ведь почти все корабли распроданы совдеповскими флотоводцами. И я как понимаю, до нее уже никому дела нет. Пока все доворуют, пока расформируют, наш парень спокойно и дослужит.

«Знаете что, дайте мне сутки подумать, все взвесить. Завтра же в это время позвоните, и я вам все разложу по полочкам, что можно, что нельзя».

Марина Владимировна уже хлопотала, стараясь пристроить на плотно уставленном закусками столе, жаровню с мясом.

«Все — все, разговоры окончены, все ясно, все понятно. Садимся за стол. А вас Сергей

устраивает такое решение, подождать до завтра?»

«Конечно, у нас в запасе как минимум десять — пятнадцать дней. Главное это решить к выходу парня из больницы».

«Вот и отлично. Все садимся, мясо остывает».

«Во время ужина о делах больше не говорили, просто на это не было времени, столько вкусных вещей стояло на столе. После такого, можно сказать неприятного разговора в начале, мужчины отпустили тормоза, не отказывая себе ни в питье, ни в закуске. И вскоре большая часть марочного коньяка была употреблена, все наконец расслабились, за столом воцарилось всеобщее взаимопонимание. А к кофе все разделились на группы по интересам. Полковники обсуждали что то свое военное. Вернее штабное, в основном присутствующим непонятное. Хотя толковали они не о боевой технике и стратегии, а об отношениях и интригах военного люда, вращающегося в штабе и местах к нему близлежащих.

Сергей всегда был недалеко от хозяйки, вел светские беседы обо всем и не о чем. Женщина охотно поддерживала беседу. Их отношения понемногу скатывались в дружеское и доверительное русло, которое могло привести к более близкому знакомству, вполне способному перейти грань простого общения. Женщина уже выяснила кто ее новый знакомый, чем занимается.

И все услышанное просто интриговало, столкнув с человеком совсем из другой жизни. Совсем из другого общества, и совсем другого достатка. Об этих новых бизнесменах — коммерсантах она только слышала, совсем не думала, что когда то с ними столкнется. И вот Сергей не сводит с нее глаз, и она понимает, что все у них может быть в совсем недалеком будущем. И все только за ней, за ее желанием. Стоит ей только намекнуть, что она совсем не против продолжить их многообещающее знакомство. И она уверена, что мужчина будет на седьмом небе от счастья. И Серж уже признался себе, что эта женщина нравится ему все больше и больше. Красавица и умница, везет же некоторым иметь таких жен.

Но деловая часть визита оказывается еще не закончилась, Светлана закрепляла успех в дружеской беседе с Катюшей. Она за весь вечер не сказала ни слова, пока разговор вели мужчины. Но последний аккорд будет за ней, еще один союзник в этой семье им совсем не помешает. Она только тогда поставит точку в этом вопросе, когда все будет решено гарантировано. Она коснулась руки девушки, обратив внимание на ее яркий перстенок, так красиво смотрящийся на тонком пальчике.

«Красивая штучка, родители подарили?»

«На день рождения. Тебе правда нравится?»
— девушка вытянула руку к свету, чтобы дать

бриллиантам возможность сверкнуть всеми своими гранями.

«Очень даже неплохо. А как ты мое находишь?»

«Твое, да еще серьги — это вообще фантастика».

«Вещи конечно красивые, но почему фантастика? Все это среднего уровня, у меня еще круче есть. Кстати сама заработала, сама купила».

«А где и кем ты работаешь, если имеешь возможность покупать такие вещи?» — девушка явно заинтересовалась собеседницей. Такая маленькая, почти миниатюрная, и такая оказывается крутая.

«У нас своя фирма. Посредники в купле — продаже. Ну еще имеем несколько торговых точек на разных рынках. Как и несколько сервисных небольших предприятия, от авторемонта до химчисток. В общем крутимся понемногу».

«И кем ты работаешь в вашей фирме?»

«У меня обязанностей много, я третий человек в деле, а на данный момент второй».

«Здорово, а кто первые два?»

«Номер один с твоей мамой сейчас разговаривает. Второй сейчас в армии, вот за него мы и пришли просить. Кстати, что ты думаешь обо всем этом?»

«Знаешь Света, если все это правда, то просто

ужас. Обыкновенный садизм, взять и обжечь человека».

«Правильно думаешь. Кстати служить он пошел добровольно. У нас была стопроцентная возможность его от службы откупить. Но наш Васек не захотел, он видите ли с детства мечтал носить морскую форму. Мол все служат и мне не запахло, прости за жаргон. Настоящий мужик должен пройти армейку, вот и прошел. Да еще Серж этому поспособствовал, хотел парню самостоятельность привить, мол настоящий боец должен обкатку в тюрьме или в армии пройти. Вот и вышло, то что вышло. А у тебя парень есть?»

«Есть конечно, но так, ничего серьезного».

«Вот представь себе, что он ушел добровольно исполнить свой воинский долг. А в армии его калечат, и не какие ни будь враги, не полудибильные сослуживцы, а офицеры, отцы — начальники. Я не могу их командирами назвать, язык не поворачивается. В такой ситуации ты наверное все бы сделала, чтобы ему помочь».

«Конечно, я бы просто с ума сошла от такого ужаса».

«Значит ты не осуждаешь нас, что мы просим твоего папу посодействовать в нашей просьбе. Если говорить честно, то мы ищем ему теплое местечко».

«Да ради Бога, после того что с ним произошло, я бы его совсем домой отпустила».

«Я тоже бы так сделала, но увы, это не в нашей власти».

«Да, оплошали вы».

«Мы то нет, по крайней мере я всегда была против этого, постоянно твердила, на фиг тебе эта служба. Но наш Васек упертый, все ему нипочем, тем более когда Серж молча одобряет его решение. Что мол женщина может умного сказать в чисто мужском вопросе. Вот и попал под колеса военного бардака».

«Слушай Света, он такой молодой, и второе лицо в вашем бизнесе?»

«Дело не в молодости, а в способностях, в деловой хватке, работоспособности. У него много ценных качеств, он с Сержем восемь лет. Его ученик в каратэ. Они вместе начинали машинами заниматься. Парень деловой, вот только иногда его пацанство вылезает, создавая проблемы и ему, и другим. Мне кажется, что мы подружимся. Я тебя с ним познакомлю, еще влюбишься. Он у нас парень красивый».

«А ты сама то не влюблена в него?»

«Как догадалась?»

«А у тебя сразу глаза грустные стали, как ты про него говорить стала».

«Я то влюблена, да взаимности нет, одна привычка. Мы росли вместе, с одного дома. с одного двора, с детского садика вместе. Так что у

нас ровные дружеские отношения, как у близких друзей. Мне кажется, что он по тихой о принцессе мечтает, о такой как ты, красивой, светленькой».

«Да не сладко тебе. Может еще все образуется? Может это только твои предположения?»

«Может и образуется, но не это сейчас главное. Ты девочка добрая, понимаешь чужую беду, и это хорошо. Но для жизни это все вторично. Главное, что ты умница, способная, может даже талантливая».

«В чем это ты мои таланты и способности рассмотрела? Расскажи, мне самой интересно будет узнать. И очень быстро главное, за какой то часик. Я что то в себе особых талантов не нахожу».

«Зря иронизируешь, не думай что это неуклюжие комплименты, со стороны виднее. И почему ты решила что за какой то часик? Я кстати твою последнюю курсовую работу смотрела, вернее изучила. Очень даже профессионально. По крайней мере, я как практик, из нее кое что подчерпнула. Конечно, при условии, что ты сама ее делала. Скажи честно, никто не помогал?»

«Сама, не такое уж это и искусство. А как ты до нее добралась и зачем?»

«Зачем добираться. Пришла в институт и попросила все твои работы по экономике, мол как работодатель интересуюсь. Ну и приплатила

конечно немного».

«А почему именно моими?»

«Ну это же элементарно».

«Все понятно, чтобы досконально изучить объект разработки. Как в разведке, изучить сильные и слабые стороны разрабатываемого, и сыграть на них. Использовать все максимально эффективно. Так что ли?»

«Совершенно верно. А это тебя коробит?»

«Если честно, то неприятно. Как то не по себе, когда тебя изучают».

«Не понимаю тебя. Ты же в резюме при приеме на работу все это будешь указывать, да еще с большими подробностями. А меня коробит, и мне становится не по себе, когда мой парень лежит в больнице обожженный, и мне надо во что бы то не стало не допустить повтора».

«Я тебя понимаю и я на твоей стороне. Делай, как тебе надо, друга надо выручать. А меня ты специально обрабатываешь, чтобы я как то на папу повлияла? Ведь все ваши дела через него, как я понимаю».

«Ошибаешься. Я совсем на это не рассчитываю. Хотя в узком семейном кругу, нам поддержка лишней не будет. А тебе совсем не лишнее быть в курсе некоторых жизненных явлений. Ведь всю жизнь не просидишь за спинами родителей».

«Я конечно многое не знаю, но пока у меня цель совсем другая — закончить учебу, найти хорошую работу. А столкнуться с негативом жизни, от этого как раз никуда не денешься. В этом я точно уверена».

«Вот я и говорю, что ты умница, здраво рассуждаешь, реальные задачи ставишь и решаешь. Кстати, не хочешь попробовать себя в практической работе. Я человек коммерции, если вижу выгоду, стараюсь ее не упускать. Ты мне интересна».

«Конечно хочется, но смотря какая работа».

«Совсем не сложная, но из многих направлений. Документация в первую очередь на английском. Потом считать — учитывать. И еще целый ряд мелких, но совсем не пустяковых вопросов».

«А поконкретнее нельзя, с деталями?»

«Группа из трех человек летит в Америку, Северо — Запад. Там закупают мясопродукты — окорочка, сосиски и прочее. Грузят это все на судно — рефрижератор и возвращаются домой. Занимает это обычно месяц, бывает чуть больше. Выглядит со стороны заманчиво, но работы и суеты много, нервы портишь конкретно. Нарботки там слабые, нет постоянных партнеров, отсюда и нервотрепка.

«Америка — это просто невероятно».

«Что тут невероятно. Поумерь восторг, через две недели будешь мечтать о возвращении. А

познакомишься в этой самой Америке в основном со складами — холодильниками, и маленькими конторами — офисами. Но и плюс во всем этом весомый — достойная оплата работы».

«Света, скажи мне честно, эту работу ты мне предлагаешь, чтобы я как то на папу повлияла? Если так, то я не буду этого делать. Я не полезу в его дела, как он решит, так и будет».

«Не переживай, я думаю этого не потребуется. Но при случае посодействуй в нашем непростом деле. Я от тебя не требую определенного результата. Скажешь пару слов в нашу защиту, и то хорошо. Папа наверняка прислушается с словам любимой дочурки. А работа здесь совсем не при чем, нам нужны хорошие специалисты, владеющие английским. Сама понимаешь, без них никуда. А у тебя и образование, и внешний вид, который в бизнесе совсем дело не последнее. Молодая, красивая бизнес — вумен, с огромным желанием работать, видишь как все просто».

«А если у вас с папой ничего не получится, то и этой работы не будет?»

«На данный момент эти вопросы уже не связаны между собой. Хотя поначалу может и мелькали такие мысли. Как награда за успешное решение нашего вопроса. Подожди, не нервничай, оцени — я же говорю тебе все честно. И еще раз повторяю, эта поездка совсем не увеселительная

прогулка. Деньги за нее большие, а значит работы и ответственности много. Расслабляться некогда будет. А вот как ты себя покажешь, как блеснешь талантами и способностями, мы и будем решать, стоит ли тебя брать на постоянную работу. Вот где перспектива, была студенткой, второстепенным и маленьким звеном в этой жизни, а станешь вполне самостоятельным человеком. Жизнь штука сложная, два раза хороший шанс подкидывать не будет, так что воспользуйся, пробуй, дерзай. Забей конкурентов, на это место многие хотят».

«А как моя учеба?»

«За месяц управимся, ну чуть — чуть припоздаешь. Тебе простят, ты отличница. Если что не так будет, мы подсуедемся».

«А кто еще в группе?»

«Я и представитель порта, вернее нашего главного городского холодильника. Ну и на месте, там в Америке, два человека. Еще какие вопросы?»

«А долго думать можно?»

«Способность принимать быстрое решение — это тоже талант. Так что сутки у тебя есть, отсчет с сегодняшнего вечера. Надумаешь сразу звони, вот номер моего мобильного. А самый лучший вариант — решить все прямо сейчас, пока наш вопрос в воздухе висит, чтобы ты в этом не искала подвоха».

«Как внешность обманчива. Ты такая маленькая, а самый настоящий командир. Когда по

делу говоришь, сразу такой суровой становишься».

«Это наверное плохо, женщина не должна быть такой. Я этим сразу мужиков отпугиваю, большинство сразу начинают слушаться и подчиняться, перестают видеть во мне просто женщину.»

«А те, которые не подчиняются?»

«Те на меня ноль внимания. Это обычно деловые, для них женщина предмет удовольствия, притом второстепенный. Им надо красивое тело, чтобы удовлетворяла беспрекословно, и самое главное, чтобы не мелькала постоянно перед глазами. Они не понимают что такое чувство, да и плевать им на это».

«Знаешь Светлана, я не буду ждать сутки, делая вид, что мучаюсь в раздумьях. Я согласна, я очень хочу с тобой поработать. И я приложу максимум усилий, чтобы быть вам полезной».

«Молодец, я редко ошибаюсь в людях. Я просто уверена — наша команда пополнилась стоящим работником».

«Серж уже давно косился на Светку, пора бы и честь знать. Но та совсем не обращает внимания на его красноречивые взгляды, продолжая беседовать с младшей Семеновой. И если она так увлечена беседой, зная что на сегодня у них еще остались дела, значит надо смириться и ждать. Партнерша работает над стопроцентным

результатом, и возможно уже завтра этот вопрос будет решен. Так что терпение и еще раз терпение, пока она сама не даст сигнал к отходу. А с другой стороны есть время пообщаться с Мариной, плевать на дела, один раз живем. Пока полковники увлечены беседой и коньяком, и муж совсем не проявляет признаков ревности. Хорошо бы сегодня вообще не прерывать этого милого и многообещающего общения, ведь как далеко оно это завтра, не говоря уже о самом ближайшем будущем. Городской водоворот беспредела может затянуть тебя в любую минуту, так что о каких планах можно вообще говорить.

Ну вот кажется партнерша прощается с Катюшей, и так не хочется расставаться с Мариной. Они сдержанно поблагодарили всех за прекрасно проведенный вечер, и уже направляясь к выходу, Серж успел подарить хозяйке бесконечно влюбленный взгляд. Он так надеется на встречу, ведь в теплой ладошке женщины остался маленький блокнотный листочек, с его номером телефона. Он будет ждать ее звонка надеясь, что этот клочок бумаги не полетит в мусорное ведро, когда за ними закроется дверь. Сам то наверняка не решится позвонить замужней женщине.

Оставшиеся в квартире разделились во мнениях, отстаивая каждый свою точку зрения. Сергей Алексеевич категорически не хочет влезать

в это дело, которое прямо отсвечивает коммерческо — криминальной средой. Продвигать этого матросика придется лично ему, и лично ему придется ответить, если в этом деле что то пойдет не так. То что пугали журналистами, статьями в газетах, то это не так и страшно. Он по тем вопросам работал в команде, и за всем этим стоят люди с положением, большим «весом», достатком, а значит и большими возможностями. Они не дадут скорее всего выпасть одной детали системы, когда эта деталь надежна, преданна и делает все как надо. А вот самовольно поставить на офицерскую должность матроса срочной службы — это уже риск. Все может обернуться неприятностями для самого полковника, пойдя эта история по непредсказуемому пути. Одно подозрение на взятку чего стоит, а превышение служебных полномочий, да еще с десятков вот таких гнусных формулировок. В итоге все будет просто — несоответствие занимаемой должности, отставка и пенсия. Играешь в команде, вот и играй, не проявляя инициативы, которая может разродиться не одним неприятным вопросом.

Петр Аркадьевич не мудрствуя лукаво, предложил потянуть время как можно дольше, пока он соберет все об этих деятелях. Если потребуется, то и ребят подключит из флотской контрразведки. В запасе еще больше двух недель, пока этот матрос

из больницы выйдет. В общем он думает, что спешить не надо, а там видно будет. Он переговорит с нужными людьми, информацию соберет, которая никогда лишней не будет.

Супруга советует устроить матроса куда возможно, может в штаб или на мемориальный корабль. Ведь для просящей стороны главное сменить место службы, и желательно на легкую. Ей не нравится, что хотят устроить человека на определенное место. Возникает вопрос — для чего это надо? Ей возражает муж, ведь это гораздо проще, чем те места, которые она назвала. Люди видимо в курсе всего этого.

Катя внимательно слушает, наконец не выдержав, вступает в разговор.

«Сделайте так, как люди просят, ведь для других то делаете. Может этот матрос, у которого была возможность избежать вашей армии, просто не захочет служить на бутафорских мемориальных кораблях и тем более в штабе».

Петр Аркадьевич весело рассмеялся; «А вы, наша юная леди, уже полностью на той стороне. Надо сделать так, а там хоть трава не расти. Еще неизвестно какая «каша» заварится, и как ее будет Алексей Сергеевич расхлебывать».

На эти слова девушка только головой покачала. А ответ высветил быструю реакцию и острый ум.

«Родители и вы, дядя Петя, просто не хотите признать, что ваше мнение другую сторону вообще не интересует. Вам отдали приказ в завуалированной форме и объяснили, что будет за его невыполнение. А это неприятно, вы же гордые, вас это просто коробит. Если бы вы все всегда делали правильно, по честному, к вам бы и не подумали обращаться. Вот и ищите разные ходы, чтобы приличия соблюсти. А я уверена в одном, вы сделаете, как они хотят.

Марина Владимировна вспыхнула было праведным гневом, но тут же потупилась под прямым взглядом дочери. Вспомнив мгновенно, как та смотрела на нее, когда она так явно кокетничала с Сергеем. Ее дочурка совсем взрослый человек, все уже понимает, и не стоит лезть в ее бескомпромиссную позицию, молодость есть молодость. И слегка покраснев, отвела глаза, суетливо занявшись уборкой стола.

«Значит ты доченька, предлагаешь мне выполнить их приказ?»

«А кому от этого плохо будет, папа? Матросы получают квалифицированного преподавателя. Армия сэкономит на должности, ведь ему не надо платить как офицеру. И сам этот человек может не до конца разуверится в нашей рабочей — крестьянской армии. Может у него еще и уважение появится к ее офицерам. Я думаю плюсов гораздо

больше».

«У тебя отец офицер, а ты говоришь об армии, ее командирах, в таком язвительном тоне, просто насмехаешься».

«Нет папа — это вы сами над собой насмехаетесь, это вы сделали из армии посмешище и страшилище. А как по другому, если говорите одно, думаете совсем другое, а делаете все исходя из личных интересов и вынужденных обстоятельств. Я только за сегодняшний вечер узнала страшные вещи, за них следует судить офицеров. Садизм элементарный в армии развели. Вы согласны со мной, господа полковники?»

При последних словах девушки, Петр Аркадьевич улыбаться перестал, потемнел лицом, которое стало то ли суровым, то ли злым. Никто видно не смел такое сказать ему прямо в глаза. Все это конечно правда, и все это всем известно. Но большинство, тем более верхушка, делает вид что все нормально, что все идет по плану, и в таком случае высовываться, только себе дороже. Все давно привыкли «ловить рыбку в мутной воде». И ничего сегодня не сделаешь, этот бардак копился годами, страну просрали, так что тут про армию говорить. Только вот когда тебе это тыкают открытым текстом прямо в лицо. Да еще в голосе чувствуешь элементарное презрение, это все равно что плевок в душу, паскудно одним словом. И если

такие слова слышишь от соплюшки, то дела армейские точно хреновы.

«А не потому ли ты так горячо защищаешь этих людей, осуждая армию, и нас в том числе, что тебе предложили высокооплачиваемую работу с поездкой в Америку. Я слышал краем уха как тебе все это красочно описывала мадам в бриллиантах. Или это совсем не так?»

«Да, мне предложили работу и я согласилась. Но маленькое но, с меня не требовали никаких обязательств, не ставили ни каких условий. Вы наверное слышали, что меня не просили сделать что то конкретное, как и я ничего никому не обещала, в частности уговаривать папу помочь им. И согласись я помочь, ничего в этом страшного не было бы. Меня потрясло, что матроса загнали в такое место, где он получил ожоги и попал в госпиталь. И загнали не враги, а доблестные флотские офицеры. Я сказала им, и вам говорю, что если бы у меня была возможность, я обязательно помогла бы этому человеку. Его вообще домой надо отправить, за понесенные физические и психологические травмы. А тех, кто на такое способен судить, чтобы вся страна знала какие у нее деятели на службе. А будет все наоборот, пострадавшего засудят, правда для начала немного подлечат, чтобы следы ожогов скрыть. И вам то господа офицеры, наверное хорошо известно, что в

армии это не единственный случай. И самое страшное, что это все сходит виновникам с рук. И я никогда не встану на сторону тех, кто хочет добить этого матроса».

«Ладно дочка, не горячись, права ты по всем статьям, сделаю я все возможное, постараюсь по крайней мере. Не мы виноваты, что страна такой стала, не мы ее разваливали. Но ты и меня пойми, мне так не хочется раньше времени отставником становиться, вот боюсь как могу. А ты запомни одно, я за свою службу ничего такого не сделал, за что мне было бы стыдно как перед собой, так и перед вами, самыми близкими для меня людьми».

«Для меня это был бы страшный удар, будь ты замешан в чем то подобном. Не понимают такие люди, что за их делишки судьба накажет если и не их детей, то внуков точно. А может и нет, но все равно зло безнаказанным не останется. Я тебя люблю, ты для самый лучший на Свете, и в этом я сегодня еще раз убедилась. Эта девушка просит за своего парня, которого любит. Она борется, чтобы он вернулся живым и здоровым. Ведь и ты за меня пойдешь на все». — Катя поцеловала отца в щеку и все встало кажется на свои места. Гора падает с плеч, когда решение принято, и остается только одна дорога — вперед. Катюша совсем не предполагала, что так горячо защищает свою будущую любовь. Когда они столкнутся осенью в

офисе фирмы, то у обоих будет такой вид, что Светка только усмехнется горько своему пророчеству.

«Я же говорила, что влюбишься с первого взгляда».

И Васек смутится как словам подружки, так и присутствию какой то незнакомки, от взгляда которой так застучало сердце. Но когда это еще будет, сколько еще событий промелькнет, сколько воды утечет.

Строев долеживал последние деньки, пока решался вопрос с его новым назначением. Ему совсем не плохо и так хочется, чтобы все это так и продолжалось до конца службы. Чего стоят одни ночи со Светкой, в ее жарких объятиях и таких горячих поцелуях. В больнице пустует парочка резервных палат, и дежурные врачи совсем не против, чтобы влюбленные уединялись в них, почти за символичную плату. Все пока на стороне молодых людей, но все хорошее, как кстати и плохое, имеют свойства заканчиваться. Вот и наступила последняя ночь, в больничной тумбочке лежит предписание, что завтра надо явиться по месту новой службы, в школу оружия флота. Есть и неофициальная просьба поспешать, так как все мыслимые сроки прошли, и не стоит играть с огнем. Завтра в восемь утра он явится в распоряжение командира роты радистов, капитан

— лейтенанта Воронина. Скоро рассвет, и ночь пролетевшая в любви, кажется совсем не утомила. Стоит только представить, что этого завтра не будет, как руки и губы ищут любимую. Светка устала, она не отвечает на поцелуи, а руки упираются в грудь парня, в легком сопротивлении. Она почти спит, и кажется никакая сила не заставит ее открыть глаза. Но вот мужская рука нежно коснулась низа живота и ласкает так нежно, что через минуту она сама ловит его губы, кусает их, в любовной истоме раздвигает ноги. Быстро сломлено такое возбуждающее сопротивление. Они снова одно целое, спешат насладиться друг другом, все никак не могут войти в спокойный и равномерный ритм. Светка лидер, любовную партию ведет она, подчиняя его страсть под свой кажущийся спокойный и размеренный темп. И Васек, вновь подчинившись своей маленькой командирше, в награду получает свой любовный пик, когда подружка тоже взрывается стонами и резкими движениями гибкого тела, которое через мгновение обмякло. Она лежит улыбаясь, ее руки соскользнули с тела парня, оставив на нем следы ногтей. Она лежит, совсем не делая попытки выскользнуть из — под мужского сильного тела. А Васек, упершись локтями, все еще нависает над ней, грудью чуть касаясь ее тела, стараясь продлить как можно дольше эти последние мгновения любви

и наслаждения, которых завтра, и послезавтра, а может еще долго — долго не будет.

Капитан — лейтенант Игорь Воронин встретил своего нового заместителя очень даже доброжелательно. И не потому что наслышан о его подвигах, или от наличия у подчиненного мощного протезе, ему просто надоело служить. И прибывший зам, кем бы он не был, должен существенно облегчить его жизнь. В армии все рушится, все разваливается, и смотреть на это просто нет сил. Друзья почти все уволены, на службе остаются не самые лучшие. И сам он ждет этого момента со дня на день, когда его попросят из армии, предложив идти на все четыре стороны. То что это произойдет, и очень скоро, он не сомневается, так как занимает козырное место. Рядом море и город, роскошная, просто шикарная природа, и поживиться есть чем, на матросское довольствие многие зуб точат. Каплей уже смирился с этой перспективой, уволят так уволят, а пока служит сильно не напрягаясь, в свое так сказать удовольствие. Вот и потому просто рад прибывшему старшине, есть теперь на кого свалить текучку ежедневных дел, увеличив личный отрезок свободного времени. Короткое напутствие заму, принимай дела, знакомься с личным составом, что непонятно обращайся. А коли ты еще и срочной службы, готовься рулить ротой и днем, и ночью

почти единолично. И понеслась Васькина служба не то чтобы тяжело, а больно суетливо, правда и ничего в ней сложного не было. Весь день на ногах, никогда бы не подумал, что может быть столько дел и обязанностей в роте, насчитывающей всего пятьдесят семь человек. За неделю освоил все служебные тонкости. А через две свободно вздохнул командир и стал убывать в город ежедневно, с ночевкой, уверенный что в подразделении все будет на высшем уровне. Оно так и было, даже больше, дисциплина резко качнулась в лучшую сторону, желающих не находилось поспорить со старшиной. А старослужащие из рядом расположенных учебок, перестали даже смотреть в сторону радиотехников. Там теперь поживиться нечем, у этих худосочных интеллигентов — радистов крутой командир, готовый в любой момент почесать кулаки. По правде говоря, старшина кулаки еще не об кого не чесал, но такое мнение почему то утвердилось с ходу. И в самой роте жизнь замирала после команды «отбой», ведь старшина спал тут же в казарме. Перестали заглядывать в гости и варяги, матросы из совсем дальней части, называющие себя то боевыми пловцами, то диверсантами из спецподразделения. Раньше говорят от них никому житья не было. Все, как один при усиках, что придавало им особенно наглый и бесстрашный вид,

позволяющий безнаказанно все вокруг обложить данью. Они терроризировали всех, куда только могли добраться, чувствуя себя вполне безбоязненно. Видно все это поощрялось и прикрывалось их же начальством. И тут они впервые наткнулись на непреодолимую преграду, в лице новоиспеченного старшины роты радиотехников. Строев встал перед пятеркой боевых пловцов и по блатному, кривя в усмешке рот, с приблатненной хрипотцой спросил;

«Чего изволите, господа? Могу предложить полосу препятствий, рукопашку один к пяти, или просто драку.

Тем предложение сильно не понравилось. А вид этого «бурого» старшины говорил, что все это сказано не на ветер, не просто так, и за слова он свои отвечает. А обычно тихие и пришибленные радисты кучковались за спиной своего командира, нагло улыбаясь. А тот через минуту добавил уже с угрозой;

«Если ничего не желаете из предложенного, то валите к себе и побыстрее, и постарайтесь нас больше не тревожить».

В ответ презрительные смешки, мат и никаких действий. А когда Васек сделал шаг в их сторону, не мешкая отступили, обещая конечно со временем разобраться и конкретно. Прошло две недели, но никаких разборок не наступало. То ли позабыли

разведчики свои обещания, то ли желание все не наступало. Служба катилась в спокойном русле, правда у курсантов возросли физические нагрузки. Утро начиналось с часовой зарядки, а день заканчивался полосой препятствий в полной выкладке. Да еще два раза в неделю десятикилометровый кросс, и тоже в полной выкладке. К холодам почти все справлялись с такими нагрузками, у матросов обозначился слегка молодцеватый вид. Строев разменял второй год, впереди еще столько же. А вот тоска по свободе неимоверная. И что самое неприятное, кажется ломаются отношения со Светкой, и он даже не знает почему. Она сюда носа не кажет, после той больничной любви, они еще ни разу не были близки, есть от чего дергаться. То она в Америку ездила, то ей некогда, то с бизнесом не все в порядке. А его каплей хоть по службе и не трогает, но в город не пускает, говорит время еще не пришло. На телефонные звонки одно и то же, нет времени, кругом одни проблемы, их бизнес буксует. Да еще как то брякнула такое, чем просто резанула по душе. Ты мол там прохлаждаешься, а мы тут за тебя горбатим. Вот когда у тебя случатся очередные неприятности, тогда мы все и примчимся тебя спасать. Зачем она так, непонятно. Зачем бьет по больному, знает ведь, что он сам себя клянет за это, а вот сыпет соль на рану. Да еще с этой дурацкой

свадьбой, как будто не успеем, можно подумать штамп в паспорте что то меняет. Короче, все не так как надо, словно и не было тех незабываемых бессонных ночей, не было любви почти до потери сознания. Командир прописался в городе, а ему все одно и то же, пока рано, послужи еще. Конечно рано, если сам по двое суток может не показываться. Он вспоминает ту последнюю встречу, когда Светка приезжала перед самой командировкой в Америку, так сказать попрощаться. Долго не задержалась, наотрез отказавшись прогуляться с ним по природе, не захотела близости, даже не объясняя почему. А возможность была стопроцентная, никто не мешал. А совсем недавно привет передала через командира. Тот объяснил, случайно на улице встретились, точно как в анекдоте. Все конечно может быть, но его Светка по улицам не ходит, а обычно разъезжает на машине, и по сторонам не пялится, других забот хватает. Он старается внушить себе, что все нормально, они с ней просто друзья — любовники, и он совсем не собирается на ней жениться. Подружка тоже женщина свободная, и поступает как ей надо, ни у кого совета не спрашивая. Если встречается с командиром, это ее и только ее дело. Ее полное право устраивать свою личную жизнь. Но одно дело рассуждать и убеждать себя, а другое беситься и с ума сходить,

ведь на душе камень и тоска зеленая. А мозг точит шальная и совсем нереальная мысль, не рвануть ли в самоход. Так хочется увидеть свою маленькую подружку и все наконец для себя прояснить. Но это глупая фантазия, он на такое не пойдет, не сможет подвести своих, с таким трудом его сюда устроивших. Надо постоянно давить на командира, домой надо вырваться законно, чтобы без суеты переговорить со Светкой. Пора разобраться наконец с этими любовными непонятками, надо конкретно все расставлять на свои места. Он ее понимает, не нравятся ей эти любовно — дружеские отношения. Она и говорит открытым текстом — хочу замуж. И он то в принципе не против, никогда же категорически от этого не отрещивался. Но почему не подождать, ему же еще год служить. А может это все к лучшему, его пока точно не тянет к уютной семейной жизни. Ведь он понимает, будет печать в паспорте, возможно будут совсем другие отношения. Он просто не представляет, как каждый день будет отчитываться, где был, с кем, почему. Видно подружка все это поняла, все просчитала, и пошла на решительные меры, на полный так сказать разрыв. Это ближе к истине, не зря с августа она не позволила к себе прикоснуться. Как бы оно не было, лучше все выяснить и не мучится от неопределенности, пора выходить из неприятной

ситуации. Жалко если все так и есть, будет потерян близкий и надежный человек. Они наверное никогда не смогут остаться друзьями, не такие они люди. Да и какая может быть дружба между парнем и девчонкой, когда все мысли, что у нее там под платьем, и как туда залезть. Партнерами — это еще возможно, когда над ними довлеет финансовый интерес. Да и то вопрос спорный. Мысли опять стопорятся на Светке, неужели она замуж собралась. Вот будет коза, если за Игоря. А больше то и нет никого на примете. Ведь их отношения расстроились после того, как она с Игорем познакомилась. Что он заклинился на этой теме, свет что ли клином сошелся на единственной и неповторимой. А может вопрос вообще просто решается. Будет постоянная женщина, и не будет ни каких терзаний. Горячее женское тело на всю ночь, мягкое и податливое. Вдруг и все страдания улетучатся. Вполне возможно такое, ведь кроме Светки у него никого и не было. Вот и маячит она все время в воображении. И ее понять можно, деловая гордая женщина. Задумала, решила, исполнила — это на нее похоже, ее стиль. Мол не хочешь замуж брать, другие возьмут. Надо ему точно в город вырываться и что то решать на месте, то в голове винегрет из каких то дурных мыслей, так недолго и «крыше» съехать. Чтобы совсем не завязнуть в этой «теме», не сдать на милость

тоске и поздней осени, старшина правит службу, занимая ей все свободное время. А вот сны неотвратимо возвращают его на гражданку, на улицы родного города, к Светке, в одну с ней постель. И только команда «подъем» освобождает, возвращает в мир реалий и служебной суеты. Он мается в любовных непонятках, а их бизнес катится под уклон и довольно быстро. И он совсем в стороне, вообще не при делах. Не зная деталей, не в курсе проблем, уверен в одном, он бы очень пригодился своим там на месте. А так он для своих на сегодня никто, пустое место. Снова и снова клянет себя, что связался с этой, никому ненужной службой. И опять права Светка со своими обидными словами. По напряженному голосу Сержа, которому последнее время часто звонит, понимает, что проблемы катят одна за одной, и скорее всего они неподъемные. Серж об этом сильно не распространяется, а Васек не настаивает, какой смысл, если ни чем помочь не сможешь. Надо выбираться в город, смотреть что к чему на месте, вдруг и он на что ни будь стодится. Но только в конце ноября, после долгих уговоров, командир дал добро на увольнение, и то с явной неохотой. Он совсем не скрывал, на его лице просто читалось, как ему это не хочется делать. Полтора суток — очень мало, но как говорится и то хлеб. С вечера выправил все бумаги, чтобы с утра на это не терять

время, приготовил форму. Центр города забит патрулями, надо учесть все мелочи. А на душе просто мандраж от нетерпения, скорей бы уж наступало это завтра. С утра провел зарядку и не дожидаясь завтрака рванул на пирс, чтобы успеть на первый катер. И уже в девять утра, никого не предупреждая звонками, входил в офис своей родной фирмы, занимающей четырех комнатную квартиру, в цоколе жилого дома. Сразу бросилось в глаза — пугающая пустота, и это в начале рабочего дня. Такое совсем не свойственно для их конторы. Сотрудница — бухгалтер и пацан — охранник, все кого он встретил на подступах к Светкиному кабинету. А вот подружка была на месте и не одна, в компании со светленькой и голубоглазой девушкой, такой красивой, что Строев прямо опешил, не зная что сказать, что вымолвить. И она в удивлении так распахнула глаза, что у него просто екнуло в груди и сердце, как поет Новиков, вдруг начало шалить. Ну может и не шалить, но забилося в два раза быстрее.

«Картина Репина «Не ждали» так что ли?»

Васек неуклюжей шуткой попытался скрыть смущение. Не ожидал встретить в компании Светки незнакомку, да еще какую. А вот подружка буднично и абсолютно спокойно, совсем не выразив радости от неожиданной встречи, сказала, обращаясь к этой красавице. Этим сразу вернув

парня в мир реалий.

«Я же говорила, что искра любви сразу пробежит между вами. Это видно невооруженным взглядом. Вот он наш герой, Василий Строев. Знакомьтесь и дружите. Надолго тебя Игорь отпустил?»

Это Игорь, сказано было таким тоном, что прямо ударило, резануло по ушам. Васек вида не подал, но сразу напрягся.

«Завтра в 22 — быть в части. Что это у вас так тихо?»

«А ты думаешь мы все шутим? У нас проблемы, и ничего толком не разруливается. Серж сутками крутится, пытается что то решить, но пока все в пустую. Я вот на связи сижу и на бумагах. Кстати девушку Катей зовут, ты смотрию от смущения прямо язык проглотил. Это ее папа устроил тебя на новое место службы».

Смущение от встречи с такой красавицей понемногу проходило. Василий достал из холодильника пакет с соком, придвинул свободное кресло поближе к столу.

«Я очень рад Катя, что наша фирма пополнилась такой красивой сотрудницей».

«К сожалению не пополнилась, Катя еще учится, я с ней в командировке в Штатах была. Съездили удачно, но это уже история, вчерашний день. На сегодня мы просто «тонем» и неотвратимо.

Так что какое может быть пополнение».

«Где Серж? Я до него неделю не могу дозвониться. Как его найти?»

«Это сложный вопрос и сейчас его не решить. Я сама не знаю где он. Ты пока поезжай домой, маму порадуешь своим появлением, и жди меня к обеду. Я постараюсь побыстрее управиться, разговор серьезный имеется. Может после него и с Сержем встречаться смысла не будет».

«Домой так домой, что поделаешь, если тебе совсем не рады. Жду тебя и очень заинтригован».

«Если задержусь, то позвоню, мало ли что тут еще выползет. Скажи охраннику, чтобы отвез, я не могу, вот — вот юристы подъедут».

«Да я лучше прогуляюсь не спеша, мне после казармы в радость на людей посмотреть. А вы Катя, не придете к нам на обед? Мама что ни будь вкусненькое сготовит. Я бутылку вина хорошего прикуплю».

«У девушки дела, она на минутку забежала. Да и нам надо серьезный вопрос решить, без посторонних».

«Ну коли так, тогда я потопал к серьезному разговору готовиться».

И чтобы задеть Светку, за ее такое к себе спокойствие — равнодушие, улыбнулся Кате очень нежно.

«А вдруг наша встреча совсем не случайная.

Давайте телефонами обменяемся».

Кажется переборщил, Светка просто закаменела. Ну ничего подруга, переживешь, почувствую что ты для меня приготовила гораздо худшую новость. Катя его предложение молча проигнорировала, смотрела на все это настороженно, как буд то присутствовала при семейной ссоре. Чтобы больше ничего не усугублять, Васек допил сок, кивнув небрежно женщинам, вышел. Светлана пару минут молчала, потом спросила девушку, так и не проронившую ни слова.

«Ну как тебе наш герой?»

«Симпатичный и форма ему идет. Зачем спрашиваешь, я же знаю что он твой».

«Он ничей, и я ничья. Но скоро может и стану чьей то. А с ним мы вместе выросли, последние три года постоянный любовники. Но на сегодня это уже все позади».

«Что случилось? Почему ты решила его бросить?»

«Я не бросаю, просто выхожу замуж. И в связи с этим обрываю все прошлые связи. Все что было оставляю в прошлом. Впереди новая жизнь по новым правилам».

«И что с ним совсем встречаться не будешь?»

«Конечно, да и я собираюсь уехать».

«А он об этом знает?»

«Догадывается наверное, подготовка легкая проведена. Видишь сама, не полез же при встрече целоваться. Весь из себя настороженный. А вот сегодня все узнает в деталях. И даже приглашение на свадьбу получит, но только не придет, насколько я его знаю».

«А может зря все это? Вдруг он скажет что любит и готов жениться хоть завтра».

«Поздно уже. Надо бы раньше думать. Я этого целый год ждала, открыто говорила. Можно сказать просила, чуть ли не умоляла. А он все подружка да подружка, а я женой хочу быть. Да и не скажет он ничего, я же вижу, не слепая. Ему принцесса нужна. Вот ты как раз на эту роль подходишь. В общем решение принято, осталось только исполнить. С этим замужеством уже все слишком далеко зашло».

«Я преклоняюсь перед твоей волей. Ты сильная женщина, знаешь что хочешь, и все это делаешь. Смотришь на проблемы трезво, без женских всхлипов и оханий. Никакой любовной романтики, никаких воздушных замков. Я тебе просто завидую».

«Это я все прошла, о чем только не мечтала. Какие только планы не строила. Три года в одной постели, знаем друг о друге все, какая уж тут романтика, какие воздушные замки. Вот исходя из этого я и решаю. И чему завидовать то, все ведь порушилось. Вот у тебя все впереди, забирай

Строева, выходи за него замуж, рожай ему детей. У вас будет счастливая семейная жизнь, я это просто чувствую. Это я завидую твоему будущему счастью. У Строева остатки детства улетучатся, ждуть немного осталось, и будет он супер во всех отношениях».

«Быстро Светлана Ивановна, вы меня сосватали и уже матерью его детей сделали».

«Я наверное слишком практичная, а это в любви не слишком хорошо. Но с другой стороны чего тянуть, ждуть пока другая дорога не перебежит. Ты еще в любовных облаках летаешь, мечтаешь наверное о любви неземной. А надо мечтать об устроенном будущем, родах, детях и прочих бытовых мелочах. Товар тебе предлагаю стоящий, проверенный. Звучит конечно цинично, но это факт. И не надо глаза от негодования закатывать. Звони ему сегодня вечером, приглашай в кино или еще куда. Вот и все дела. Кстати запиши его домашний телефон и мобильник».

«Вы так его активно сватаете, как будто у него какой то дефект есть. А кстати что у него такого ребяческого, от детства, как вы выразились».

Девушка переходила то на вы, то на ты, чувствуя себя в обществе этой женщины, то подружкой, то подчиненной самого низкого ранга.

«В облаках еще витает. Верит в справедливость, честность и порядочность в

массовом порядке. Верит что ждет его принцесса, а не соседка по подъезду. И с ней он так будет счастлив, что прямо не знает как. Вот наглядный пример с армией. Кто просил его туда идти. Это для твоего папы армия бизнес, а для него что, только гарантированная возможность здоровье потерять или того хуже. Он здесь сейчас нужен позарез, а не там. А в какую историю в этой армии вляпался по глупости, хорошо что мы рядом были и еще в силе. А если бы это сегодня случилось, что тогда? Все, кранты Строеву, ведь на сегодня мы уже никто. Вот эта вера в сплошную справедливость, и не выпустила бы его оттуда. А что так активно сватаю, все же не чужой человек, хочется чтобы в хорошие руки попал. Смеюсь конечно, но доля правды в этом есть».

«А что ваши дела настолько плохи?»

«Не настолько конечно, если действовать трезво, с умом. Но у нас проблема, босс закусил удила и тянет всех нас в пропасть. И тянет так быстро, что у нас скоро вообще никаких дел не будет в этом городе. Кстати я сегодня точно определяю на сколько Строев повзрослел, насколько научился напрягать голову, а не мускулы. Посмотрим какое решение примет. Если кинется искать Сержа, сопли размазывая по пацански в надежде помочь, успокоить, то ему далеко еще до делового, это крутой тест. Ладно, посплетничали и

хватит, я на сегодня еще деловая леди, язык не поворачивается назвать себя деловой стервой. Дел еще на сегодня много, так что извини, звони через месяц, я буду замужней женщиной, домохозяйкой, поделюсь с тобой впечатлениями.

После ухода девушки, Светлана как то поникла, сжалась, сидела уставившись в одну точку. Потом тяжело вздохнув, достала из стола стопку канцелярских папок с бумагами. Просматривая их, набрала номер телефона, узнала почему задерживаются юристы. Снова начала листать бумаги, но вдруг зарыдала, закрыв глаза ладошками. Проплакавшись, стояла перед зеркалом, через силу пытаюсь изобразить на лице улыбку. Рот кривился, а глаза снова наполнялись слезами. Что это с ней происходит, с сильной и независимой женщиной? Она бросила пустое занятие у зеркала, умылась, села снова за стол, крепко сжав губы.

А Василий не спеша брел по улицам родного города, именно брел, наслаждаясь теплом и солнышком не по — ноябрьски теплого дня. Забытая суета родных улиц снова вернула ему хорошее настроение, уже казалось, что все будет просто отлично, все просто обязано наладиться в такой теплый и солнечный день. Не решаясь снять бескозырку, сдвинул ее на затылок, подставляя лицо солнцу. Можно сесть в трамвай, чтобы не

искушать судьбу от встречи с патрулем. Ведь он, праздно бредущий ранним утром рабочего дня, объект для них номер один. Но яркий денек поздней осени, с его внезапным теплом, что правда не редкость в этих краях, удерживает его на улице. Заставляет уменьшить шаг до минимума, превращая путь домой, в такую немислимо прекрасную прогулку. Так и не махнул пронесившимся мимо такси, как и не сел в трамвай, проходя одну остановку за другой. Чувствуя в душе радость праздника от простой прогулки по главной улице города, когда такое еще выпадет. Ведь совсем скоро все это улетит — забудется, уступив место заботам, суете, тревогам такой непростой жизни. Так не спеша и дошел до дома, не встретив на свое счастье патрульных, способных докопаться до любой мелочи и испортить любой праздник. Потом радость и счастье мамы, увидевшей своего матросика живым и здоровым, так и не узнавшей, что летом ее сын лежал в больнице, совсем рядом. И сразу попытка усадить за стол и скорее кормить ненаглядного сыночка. И только услышав, что скоро приедет Светка и они все вместе пообедают, чуть охладила желание матери накормить его немедленно. И она уже хлопчет у плиты, ведь надо что то приготовить вкусенькое детям, сетуя что не предупредили ее заранее. Между делом рассказывает новости. Кто в доме родился, кто

поженился, кто умер и еще массу подобного. И с тревогой расспрашивает сына о службе, где ее волнует главный вопрос, а не пошлют ли его воевать в Чечню. Он успокаивает как может, уверяя, что моряков на Кавказ не посылают. Тихая радость праздника с улицы перенеслась в их небольшую и такую уютную кухню. И Васек наблюдая за матерью, вдруг подумал, в ней и Светке есть что то одинаковое. Хотя не очень верится, что Светка будет такой же хозяйственной, случись им пожениться. Нет, это одинаковое в их глазах. Он помнит, как глядела на него Светка тогда в больнице. Они обе просто любят его. И он любит их, и на сегодня нет в мире никого роднее и ближе, чем эти две женщины.

Светкина белая «Карина» подскочила к подъезду во втором часу дня, когда праздничный стол уже был накрыт и ждал гостей. Василий смотрел, как она вышла из машины, увидела в окне своего служивого, помахала рукой, направляясь в дом. Он встретил ее этажом ниже, хотел обнять, подхватить на руки. Но его любовный порыв мгновенно испарился от спокойных и таких равнодушных слов.

«Не надо рук дорогой, впереди много важных и очень интересных разговоров».

Больше всего резануло слово «дорогой». Так она к нему никогда не обращалась. Это базарное,

грузинско — азербайджанское словечко, остановило его мгновенно. Он развернулся и пошел вверх по ступенькам, от хорошего настроения не осталось и следа. Автоматически отметив, что уж больно быстро меняется у него настроение. Несерьезно как то такое для мужика. По настоящему сильный человек, должен всегда быть спокоен, независим от любых обстоятельств и событий. Как в песне поется, и в беде, и в радости, и в горе только чуточку прищурь глаза. Надо восстановить дыхание и привести пульс в норму, на сегодня это не последний сюрприз подруги. В кабинете она тоже особой радости не показала. Скорее всего подтверждается самое худшее, у нее роман с командиром, неужели она спит с Игорем.

Обедали молча, Василий замахнул две стопки коньяка, мать чуть — чуть пригубила, Светка не стала, за рулем. Мама не вмешивается, не пытается разговорить, хотя напряжение между молодыми чувствуется явно, что то у них произошло. Она прекрасно знает сына и Светлану, разберутся сами, совета не спросят. Молодые то молодые, а такими деньгами ворочают, что ей никогда и не снились. И чтобы не мешать ушла на кухню, снова заниматься стряпней — готовкой, чтобы хоть этим порадовать детей.

Строев ждал, молчание затягивалось, от разговора все равно не уйти. А Светка все никак не

может начать, вдруг растеряв решительность, под пристальным и таким жестким взглядом парня. Наконец глубоко вздохнув решила, улыбнувшись немного виновато.

«Как в анекдоте, две новости, хорошая и плохая. С какой начинать?»

«Давай с плохой, чтобы не расслабляться. Я весь внимание».

«С плохой так с плохой. Наш бизнес на сегодня фактически развалился. Власть в городе сменилась, пошел передел, и нас убрали с холодильника. Это так сказать был первый шаг, но с него все и началось. Потому что наш босс с этим не согласился, и как говорят урки, навел беспантовую суету. Пошла «волна», и на нас ополчились со всех направлений. А так как наш Серж и не думает успокаиваться, не хочет отойти от дел по тихой, то нас убирают совсем из города. А куда убирают из города, надеюсь тебе понятно. Это все реальность, факты стопроцентные, с которыми не хочет смириться наш босс. В детали не посвящаю, это уже не важно. Это уже в прошлом, тем более что ты не при делах и ничем помочь не сможешь. Скажу еще одно, самое главное, против нас очень влиятельные люди, фактические хозяева города. Мы им не конкуренты, пока они при власти, пока рулят городом. Но это так сказать общая картина, теперь о нашем личном бизнесе, так

сказать кровном. Чтобы сохранить деньги, я продала все свои торговые точки, твои тоже, включая шиномонтажки. Последнее ушло неделю назад, а вот сегодня их бы уже отмели, так стремительно все накатывает. У противника власть и он не церемонится, со дня на день отметут ресторан босса и его два магазина. Они уже закрыты, и там во всю шурует налоговая и все кому не лень. Я доказывала Сержу, просила, умоляла — все бесполезно. Он, как камикадзе, идет напролом и до конца. Кстати твой «Краун» тоже сбросила, тебе еще год служить, нечего машине ржаветь без дела. Деньги и отчеты по сделкам здесь, в кейсе. Считай, прикидывай, наезжай, если получится конечно. Смеюсь сквозь слезы. У меня на сегодня очень большой опыт по раздуванию наездов. Вот и все по первому вопросу. Прости что долго говорила, со мной сегодня непонятное творится, весь день длинные речи толкаю.

Василий ошарашенно молчал, то что он услышал, не лезло ни в какие ворота. Могут быть дела не очень, но не до такой степени. Он и близко не предполагал масштаб катастрофы. Семь контейнеров на двух рынках, двенадцатиметровый рефприлавок, две шиномонтажки в центре. И это не говоря о доле в доставке в город продуктов из — за границы. Казалось все так надежно и незыблемо на годы. Думал, что это все будет только развиваться и

прирастать. Ан нет, стоило только власти поменяться, как появились новые акулы социализма и все пошло прахом. На этот день у них в городе нет ничего, и неизвестно, когда появится возможность начать все сначала. Дорого ему служба обошлась, «белый билет» за три штуки «зеленью» выглядит на сегодня просто мелочью. А с другой стороны, ну не ушел бы служить, что изменилось бы. Сейчас вместе с Сержем, как выразилась Светка, суетился бы безпантово. Может оно и к лучшему, что его не было на месте. Сержа он бы не бросил, а значит Светку бы не слушал. На сегодня хоть деньги остались, а так бы все пошло прахом. Интересно почему Серж пошел ва — банк, почему не сыграл гибче? Встретимся — надо спросить. Есть конечно вопросы и дела, в которых надо держаться до конца, и то, если за тобой не стоят люди, за которых ты отвечаешь. А в бизнесе, когда все меняется чуть ли не каждый день, надо быть все же гибче. В этом деле нет ничего святого. Ну и хер с ним, с этим холодильником, что мест мало, где можно сделать хорошие деньги. Да и не на всю оставшуюся жизнь пришли к власти эти козлы, и им когда то кранты будут. Главное людей не потерять, будет команда надежная — будет все. Почему это не понимает Серж, почему тянет за собой на дно и остальных. И есть ли смысл с ним встречать, по крайней мере сегодня. Все уже

сделано, все преопределено. А он, Строев, в делах и поступках Сержа не советчик, да и что он сможет сказать учителю — сенсею.

«Я понимаю, самый крупный и современный холодильник города, место козырное, доход стабильный. Кусок очень лакомый, потому нас оттуда и выперли. А при чем здесь остальная мелочь, кому она то помешала, и неужели мы не сможем ее отстоять?»

«Повторяю для дураков, мы бы ее отстояли, да и никто на нее и не покушался бы, но наш босс. Он не смог спокойно покинуть холодильник, начал что то предпринимать, в итоге поднялся шум. В результате репрессии на всю команду, на весь бизнес. На нас наехали все, кому не лень, от санврачей до уголовников. Условия аренды сразу же пересмотрели. Не в нашу конечно пользу. На нас крест поставили, и это из достоверных источников. То что я сделала, это лучший и единственный выход. На сегодня все кончено, и мой совет, не созванивайся с Сержем, не встречайся. Делу не поможешь, а только ему соли на рану сыпанешь своим участием. Бумагами займись, деньги посчитай. Поверь мне, не продай я все, сегодня это бы ушло за спасибо дяде. Да и кто это будет контролировать? Я уезжаю. Вот и на второй вопрос плавно перешли».

«С этим все понятно, какие могут быть

претензии. Посчитаю «бабки», узнаю сколько стою на сегодня. Вот тогда и будет понятно, на сколько новость плоха. А куда ты уезжать то собралась?»

Светлана не ответила, смотрела как Строев считает деньги. Все разложено купюра к купюре, пачка к пачке, так что много времени это не заняло. Да и что считать то, если сумма пробита и на бумагах. Хотя нет, по документам официально гораздо меньше, налички на треть больше. В конце подсчетов, Васек был приятно удивлен, выходило на четверть больше, чем он прикидывал на вскидку, до детального подсчета. Подружка настоящая проффи, он за ее миниаюрной фигуркой, как за каменной стеной.

«Очень даже неплохо, Светик. Просто отлично. Я рассчитывал на половину, ну чуть больше».

Не удержался, кинул женщине явный комплимент, ее коммерческим талантам.

«Ты кстати свой комиссионный процент сняла? Если нет, то забирай».

«Какой процент, чужие мы что ли? Продавала свое, скинула и твое прицепом. Так что не переживай, я сильно не напрягалась. Вот то что вовремя подсуетилась, это другое дело, и под это просьба будет».

«А что за просьба? Вдруг неподъемная».

«Потом скажу, чуть позже».

«Хорошо, подожду. Просто не верится, что так все серьезно, женских страхов тут нет?»

«Да — это женские страхи. Доволен? Ты мне поклянись, что ни сегодня, ни завтра не будешь встречаться с Сержем, чтобы он тебя в какую ни будь аферу не втянул. Все на женские страхи уповаете. Поклянись, дай слово и я буду спокойна. Если не хочешь что бы я умерла от страха, клянись».

«Светик, клянусь всем святым что у меня есть, не буду ни с кем сегодня встречаться. Я тебе верю».

«И завтра тоже».

«Хорошо, и завтра Сержа не увижу».

Он шагнул к ней, скорее обнять свою маленькую защитницу, закружить в объятиях, зацеловать. Он все забыл, он любил ее и так сильно хотел. Но вновь получил отпор, ладошки женщины жестко уперлись ему в грудь.

«Подожди, сейчас вторую новость расскажу».

«Говори скорее, давай хорошее, хватит с меня негатива».

«Ко второй так ко второй. Я выхожу замуж за Игоря Воронина, он мне сделал предложение. Свадьба через две недели, мы расписываемся и сразу уезжаем к нему на родину. Если там все сложится, останемся насовсем. Мы не уезжаем, мы спешно покидаем места, где возможны горячие и крутые события. Было бы хорошо, если бы и о тебе

забыли. В общем затаись, поменьше звони, не высывайся со своей службы. Будь осторожен, как говорят в боевиках, почаще оглядывайся. Я сказала все».

«Вот это новость. Я теперь и не знаю какая хуже. Хотел только вздохнуть, расслабиться, а тут нокаут. Интересно почему ты решила, что эта новость хорошая?»

«Потому что я замуж выхожу. Тебя не буду доставать замужеством. У тебя перспективы открылись, на горизонте принцесса нарисовалась. Кстати ты ей понравился. Помнишь как после больницы я прямо спросила, что с нашими отношениями. Извини конечно, но ты искрутился, отшутился, и ничего в итоге не сказал. Все правильно, насильно милой не будешь. Я тогда и решила, что больше не хочу и не буду просто подружкой. Мне нужна семья, дом, дети. И давай закроем эту тему. Мне с Игорем хорошо, может это и есть мое маленькое счастье».

«Уж очень ты быстро свое счастье нашла. Ты спишь с ним?»

«Конечно, я же современная женщина. И это я попросила Игоря тебя в город не пускать, чтобы хоть немного все подзабылось».

«Эх подружка, права ты наверное, счастье есть счастье, что тут скажешь. Ты решила, ты сделала. Я правда не сильно в этой любви

разбираюсь, но для меня эта новость плохая. Да и далеко у вас зашло, значит все. С горя конечно в петлю не полезу и не запью, но это самое худшее за этот год. Мне кажется, что у меня на роду написано, идти по самым плохим вариантам. Я просто чувствую, что у меня будет не жизнь, а одни проблемы».

Светлана слушала парня, сохраняя самоуверенный вид и глядя ему прямо в глаза, но все это было только с виду. Сердечко то сжалось и слезы вот — вот были готовы хлынуть ручьем. А в мыслях билось одно, нет не любишь ты, говоришь одно, а сам спокоен. Хоть для приличия бы поклялся в вечной любви, и смеха ради предложил бы руку и сердце. Ну нет, этого от тебя не дождешься. Только о себе, как тебе плохо. Да и силу мог бы применить, сломить сопротивление слабой женщины, мечущейся между двумя огнями. Ну обними крепко — крепко. Ведь ты мужчина в конце концов, победитель. Все еще может измениться в одну минуту, стоит только обнять, сильными руками легко усадить на край стола, как когда то, крепко поцеловать, не отрывая долго своих губ от ее. И сопротивляться она будет недолго, не в силах вырваться, да и не имея на это большого желания, она покорится, и ее руки и ноги обовьют тебя, как они это делали сотни раз. И все что говорилось минуту назад, покажется смешным

и нелепым. Но мгновения слабости пролетели, и Светлана стряхнула с себя чары недавнего, но уже прошлого. Снова став сама собой, маленькой, но сильной женщиной. Уже ужасаясь в какой близости была от своего тайного желания. Но этот вопрос, спишь с ним, и утвердительный ответ, словно загипнотизировали парня, встали на его пути незримым и непреодолимым препятствием на этот миг, позволили ей без боя уйти к другому. Летят минутки, и чтобы наконец совсем отгородиться о прошлого, она небрежно сказала;

«Я понимаю, тебе женщина нужна, так вот Ленка Маркова сегодня свободна. Она мне должна, так что можешь посетить ее, и все будет топ — топ. Только презиком пользуйся, она это дело кажется уже в профессию перевела».

Все, их отношения с шумом лопнули и развалились. Они оказались по разные стороны черт знает чего.

«Спасибо моя заботливая подружка, как советуешь так и сделаю, и про презик не забуду. Позвоню сразу, как только ты уйдешь».

«Ну вот и обиделся. Будь крутым мэном, баб кругом вал. Не хочешь Ленку, позвони Катюше, в кино ходите. Повторяю, ты ей очень даже приглянулся. Вот кстати номер ее телефона».

«Я подумаю Света».

«Давай думай, а я поехала, дел еще много».

Смешно и удивительно, но дальше все покатилося по предложенному уже бывшей подружкой сценарию. Василий помаялся пару часов, заливая коньяком злость, обиду и несбывшиеся желания. И наконец решившись, набрал Ленкин номер, искренне полагая, что все это делает Светке в отместку, и никак иначе. Он совсем и не предполагал, что этим огорчит подружку до слез.

Ленка ответила сразу, правда долго отнекивалась, явно не желая видеть у себя внепланового гостя. И только уяснив, что сама Светка это все санкционировала, наконец согласилась, даже голосом подобрела, прямо уже ждет не дождется.

Васек пошел в форме, не утруждая себя переодеванием, рассчитывая вернуться максимум через часик. Ленка встретила его в коротком халатике, с распущенными по плечам волосами, в общем на «товсь». Вот только дежурная улыбочка, прямо натянутая на лицо говорила, что ему совсем не рады. Но на такие мелочи, после всего что произошло сегодня, он внимания не обращал. Его интересовало и очень сильно, что скрыто под этим сексуальным халатиком, наверное все такое же соблазнительное, как ее белые ляжки, полностью открытые для обозрения. Бунтующее без женщины тело, недавний разговор, напроць атрофировали все

чувства, кроме одного, желания обладать женским телом. И только злость совсем не ушла, иногда пробивалась, залитая до поры до времени коньяком. Сердце замирало в предчувствии близости, еще минутка и его руки будут там, на горячем и таком желанном теле. Прошли в комнату, где стояла разложенная диван — кровать, без одеяла, без подушки, только застеленная простынею. Женщина достала из кармашка халатика колечко презерватива, сунув его в руку Василия. Изобразив, как ей казалось, на лице томность и страсть, начала медленно развязывать поясок. Но через мгновение, не затягивая стриптиз, сверкая ослепительно белой наготой легла. Не стесняясь, с какой то показной вульгарностью, широко раскинула ноги. Злость на себя, на Светку, вот на эту шлюшку снова переполнила его, но желание пока было сильнее. Он вздохнул медленно три раза, стараясь успокоиться. Еле сдерживаясь, разделся с показной неторопливостью. Напялил презерватив, не отрывая взгляда от красивого и такого желанного тела. И больше не в силах терпеть, жадно ворвался в горячую женскую плоть. И сразу понял, как ему была нужна женщина, как ему этого не хватало. И сейчас было плевать кто под ним, Светка или Ленка, или еще кто. Ему нужно только женское тело, горячее и податливое. Он просто удовлетворял желание, не в силах чуть

остановиться, чуть сбавить темп, яростно впиваясь в это горячее блаженство. И конечно достиг желаемого очень и очень быстро. И как бы страсть его не захватила, как бы он ей не был поглощен, все же смог понять, что для этой женщины он совсем чужой. Ее тело не сделало и малейшей попытки откликнуться на его страсть. Спокойно отлежала в ожидании, отвернув лицо в сторону, мол поскорее бы все это закончилось. Ну и черт с ней, он получил свое, она ему даже не партнерша, а так, предмет для удовлетворения. Но только из сознания улетучилась последняя искорка желания, как снова вернулась злость, подогретая легкой брезгливостью к себе, совсем как после онанизма. Он откатился от Ленки и лег лицом вниз. Слышал как та встала, направляясь скорее всего в ванную. Он кажется даже немного придремал, пока громкий голос любовницы не вернул его в мир реалий.

«Вставай милый, собирайся, тебя уже мамочка со Светочкой заждались».

Собираться так собираться. Не вечно же лежать голым на этом диване. Он прошел в ванную, мимоходом отметив, что Ленка уже не в халатике, а в брючном костюме, который должен по всей видимости показать ему, что хозяйка занята, куда то спешит, у нее нет просто для него времени. Ну не может она отвлекаться на какого то «левого» клиента. Упругие струйки воды бодрили, но не

успокаивали. Злость наоборот теперь просто из него перла, и кажется есть на ком ее сорвать. Эта дешевка, как специально дразнит его своими просто вызывающими замашками. Видно еще не попадала в переплет. Могла бы хоть на пять минут изобразить если и не любовь, то хоть что то на нее похожее. Почему не отнестись к партнеру чутка потеплее, не от хорошей жизни он к ней приперся, и совсем не за так. Да и друг друга давно знаем. Не хочешь — не давай, откажись. А то строит невинную жертву, вынужденную расплачиваться за какие то долги таким унижительным способом. От этих дум злость уже перехлестывала через край, и ей нужен выход, что сейчас наверное и произойдет. Сознание заполнило одно единственное, но так сильно дергающее нервы. Зачем давала, он что ли ее к этому принуждал. А просто хочется и долг скинуть совсем не напрягаясь, и показать свое пренебрежение, чуть ли не брезгливость. Лежала что мертвая, жопой было лень чуть шевельнуть. Сейчас я с тобой разберусь, звезда платного секса. Выйдя из ванной, и глянув на уже собранный диван, Васек чуть не расхохотался, так явно его выпроваживала новоявленная любовница. Зря она это задумала, надо бы с ним посоветоваться, ведь дела то у них общие, можно сказать коммерческие.

«Куда спешишь, любимая? Разве повтора не планируется?»

«Какой повтор, ты получил что хотел и топай. Хочешь к мамочке, хочешь к Светочке. Интересно, а что это она тебе не дает?»

«Запомни пожалуйста, это совсем не твое дело, куда мне топать, и кто мне дает, а кто нет. А вот насчет повтора тему раскрой пошире. Объясни подробнее, почему это мы не желаем. И почему это вы мадам, вся из себя такая гордая и деловая. Может это все от того, что в новой профессии вы совсем недавно, и еще не получали от неудовлетворенных клиентов, так сказать конкретно. Я лично думаю, что только от этого из тебя прет гордыня попеременно с наглостью».

«До свидания дорогой. Или может поучить меня хочешь? Как неудовлетворенный клиент?»

«Я вообще то противник силовых методов обучения. Разве что в исключительных случаях, как вот этот. И думаю это тебе пойдет на пользу. Но перед этим один вопрос. Вдруг без крови обойдемся. Скажи красавица, а сколько ты Светке то задолжала? Неужели долг такой незначительный, всего одной палке равен, да и то скороспелой. Если так, то я ничего против не имею, вот только со Светкой созвонюсь, полюбопытствую. Да и предъяву ей скину, что это она меня так по дешевому подставляет.

«Конечно позвони любимой девочке, пожалуйста что не дают больше беденькому

матросику. Придется видно ей дорабатывать».

«А ты просишь конкретно, хорошо что я такой выдержанный. Она уже не моя любимая девочка, а деловой партнер — это во первых. И она, как я знаю, обижается и сильно, когда выходит не по ее. Это во вторых. Как бы тебя этот долг не извел в конец, это в третьих. Вдруг отрабатывать замучаешься».

Строев стоял в одних плавках перед женщиной, и глядя ей прямо в глаза, вслепую набирал знакомый номер.

«Сейчас ты лично пообщаешься со Светланой Ивановной, коза драная».

В последний момент, когда уже пошли гудки вызова, Ленка нажала кнопку отбоя, на переданном ей сотике.

«Послушай, Вася, ты получил свое, я выполнила так сказать свой долг, что тебе еще надо? Давай попрощаемся по хорошему, не будем усложнять жизнь друг другу».

«А кто ее усложняет то, милая? Не ты ли со своей дешевой демонстрацией. А может ты крутой стала, а я и не знаю? Может повоевать хочешь? Взялась за работу, так работай, а не корчи из себя невинность из борделя».

«Ничего я не корчу. Просто я не хочу спать с каждым за так. Я и не скрываю, что это мой заработок».

«Или у тебя с памятью не в порядке, или меня Светка точно подставила, надо звонить ей разбираться. Мне и самому не удобно тобой за так пользоваться. Короче, две секунды на размышление. Звоним или сами разбираемся? Меня достал этот дешевый «базар».

«Сами справимся, без посторонних».

«Правильно мыслишь, родная. А то вдруг выяснится, что твой долг не на одну ночь. Ведь эти самые долги имеют свойства прирастать процентами. Слышала про это?

«Давай по человечески, в чем я провинилась перед тобой?»

«Не надо пожалуйста под дуру косить. Я полгода вообще без женщины. И вот спасибо тебе, твоему виду, мгновенному одеванию и уборке постели. Да еще за эту мини разборку. В результате я уже ничего не хочу, а шел отдохнуть, расслабиться. И вот сейчас я элементарно психую. А это мне надо? Вот и посуди, милая, какой «косяк» ты запорола, если мне сейчас просто хочется «зарядить тебе в пятак». Чтобы ты наконец поняла, что я не твой клиент, я твой долг, к сожалению для тебя совсем не гражданский».

«Ладно прости. Я кажется немного перебрала, не подумала. Одевайся, пойдем на кухню, я тебя обедом накормлю, по стопочке выпьем. А там что ни будь и придумаем».

«Вот можем же, если захотим, святые слова вождя».

«Знаешь, мне одно обидно. Вы такими деньгами ворочаете, на таких машинах гоняете, а норовите все за так и по полной схеме».

«Ты в натуре давно не получала по настоящему, достала своей блядской песней. Никогда не считай чужие деньги. Ты не знаешь сколько их у нас, и как они зарабатываются. И вбей в свою непонятливую голову накрепко, хочешь быть независимой, не занимай и не проси. Отвечай прямо, ты Светке должна или нет?»

«Это наши с ней дела»

«А ты упертая. Ты плохо кончишь в этой жизни. Это дело уже мое. Я тот человек, который снимет с тебя этот долг, а может и нет. И на этот момент Светка здесь уже не при чем. Так что старайся, работай на полную мощь, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. Я так вроде понятно и так долго объясняю, а меня не понимают или не хотят. Все наверное от того, что мы с одного дома и друг друга с детства знаем. Смотри, будущие клиенты с тобой так долго не будут «базарить», может и не получится строить из себя непонимайку. Результат может быть плачевным, так что усваивай урок».

«Все закрыли тему. Ты водку или коньяк будешь?»

Потом стопка за стопкой. И Ленка наконец оттаяла душой, видно смирилась с финансовыми потерями на сегодня. Села на колени парню, горячо зацеловала, оставляя бардовые следы засосов на груди. Руки Васька уже гуляли по ее телу. Расстегивая пуговицы, замочки, крючочки. Ласково и нежно освобождали ее тело от одежды. Женщина ласково освободилась от нетерпеливых рук, соскользнула с колен и через мгновение стояла на табурете, как на подиуме. Раздевалась так красиво, и так мучительно долго. И наконец лишилась последнего лоскутка белья, медленно крутнулась, демонстрируя шикарное тело, возбуждаясь все сильнее от вида любовника, просто горящего от нетерпения. Боже, как ее хотят мужчины. И уже через мгновение она была подхвачена с этого импровизированного подиума сильными мужскими руками, отнесена в комнату, где отдалась ему с нетерпением и страстью. Совсем не заботясь не о расправленном диване, не о постельном белье. Она просто сходила с ума от прерывистого дыхания любовника, от его жадных поцелуев и рук, которые ощущала везде, помогая ему в страстном нетерпении. Потом немного дремали, сраженные такой яростной близостью и коньяком, с трудом заставив себя разобрать постель. Но едва отдышались, чуть — чуть пришли в себя, снова сплелись в объятиях, правда немного взбодрив себя

коньяком. Этот любовный марафон закончился на следующее утро, вместе с коньяком и водкой, всеми Ленкиными запасами. Любовники то ли отключились, то ли уснули, то ли потеряли сознание. Проснулись и начали осмысливать происходящее только во второй половине дня. Не в силах пошевелиться, лежали целый час, и наконец, собравшись с силами побрели в ванную. Долго плескались под упругим дождиком душа, способные кажется только на ласки руками и глазами, но молодость взяла свое, наскоро вытерлись и вернулись в постель еще на полчаса.

Хорошо что закончился коньяк, а то бы служба на сегодня накрылась понятно чем, в самом прямом смысле. Ленка, плотно прижавшись к нему, страстно шептала, что давно не давала с такой охотой, давно у нее не было такого сумасшедшего траханья. И так не хотелось отрываться от этого возбуждающего шепота. Васек покинул любовницу, которая уснула, не в силах проводить его до двери. Да и сам был в таком состоянии, будто отмахал на скорость десятикилометровый кросс в полной выкладке. А дома, потупив глаза, слушал упреки матери, замешанные на слезах. И чтобы не дать им пролиться, обнял родного человека, прикоснулся щекой к ее щеке, тихо прошептал;

«Прости меня дурного, мне так вчера плохо было».

Прежде чем ехать на службу, позвонил Светке, мама сказала, что за его отсутствие она звонила три раза. Свой мобильник и Ленкин телефон были отключены, чтобы не отвлекали, не до разговоров им было. Интересно, чем еще хочет порадовать бывшая подружка, может клянет себя, что подсунула ему сказочно страстную соседку. Кажется она хотела его о чем то попросить. А звонить то совсем не хотелось, как и не хотелось ни с кем говорить, тем более выслушивать и грузиться какими то просьбами. На душе было почему то тоскливо, как в слякотный и холодный осенний вечер. Когда отопление еще не включено, кругом холод и сырость, и руки опускаются от наступающей неотвратно долгой и холодной зимы.

«Алло, слышишь меня, Светик? Мама говорила, что ты меня слышать хочешь, а может и видеть».

«Хотела, но теперь это не важно».

«Не важно, так не важно, что еще?»

«Как там Ленка, на высоте?»

«Светлана, я не хотел бы этой темы касаться. Кстати, она тебе много должна?»

«Если у тебя к ней претензий нет, то считай все в порядке, долг списан. Я рада, что ты доволен, угодила значит. Заботишься о любовнице».

«Твоими стараниями, милая. Спасибо тебе

глубочайшее. Я наверное не такой умный, как ты, может чего то недопонимаю. После этого увольнения, мне хочется пить просто беспробудно. Это конечно минутная слабость, крик души, так сказать, но что то на этой самой душе погано и конкретно. О чем хотела меня попросить?»

«Я бы не хотела, чтобы ты появлялся на свадьбе. Приглашение конечно будет и увольнение Игорь устроит. Да и при возможности не касайся в разговорах с ним меня. Если сделаешь это, то большое спасибо».

«Могла бы и не просить, я просто до такого не додумался бы. Знаешь, так, на всякий случай, вдруг больше не увидимся. Ты на меня всегда рассчитывай. Я всегда за тебя. Желаю тебе в общем огромного счастья и любви. Хотя чувство такое, хочется тебя прикрыть, защитить непонятно от чего. Ну бывай в общем».

Василий положил трубку. Пора идти, катер через час, как раз хватит времени пройтись до пирса пешком. Может это успокоит, что то на душе больно мерзко, прямо до слез.

Капитан — лейтенант встретил его спокойно, что немного удивило Строева. Ведь не может не знать кем ему Светка приходилась. А может просто уверен в ней, если так, то стоит просто позавидовать человеку. Но к этому вопросу так и не подошли, хотя полночи просидели за коньяком и

разной вкуснятиной, какую наготовила мама своему сыну на службу. Говорили обо всем и не о чем, так мужской треп. Васек больше слушал, стараясь понять человека, которому подруга отдала сердце, и почему. Ну не от того же, что он сразу предложил пожениться. Есть в бабах что то непонятное, и не с его опытом в этом разбираться. Почему они предпочитают одного другому, когда в отношениях все в общем то благополучно. Прикинувшись пьяненьким, рассказал командиру, чтобы отвести от подруги любые подозрения, с какой красавицей был в последнюю ночь. Обещал дать телефон и адрес, если Игорь конечно захочет потратиться на такую женщину. Разошлись под утро, Воронин так и не заикнулся о предстоящей свадьбе. Может какую то свою игру ведет, или указания такие от Светки получил. Но как показалось Строеву, было в его поведении что то не натуральное. Да и не похож командир на счастливого молодожена. Так ничего и не прояснил для себя, ничего не понял.

А после подъема не до этих мыслей — раздумий, суета службы. И теперь уже нет надежды вырваться в город в ближайшее время. Он убедился, на гражданке намечаются крутые дела, и возвращение через годик, который пролетит быстро, безоблачным не будет. Значит надо не терять времени, шлифовать и шлифовать боевое мастерство, хоть с одной стороны будет прикрыт. А

заодно стал «пробивать» местных вояк, на предмет приобретения любого оружия. Ничего не поделаешь, времена пошли такие, что одних кулаков, какие бы они крутые не были, катастрофически мало. Сердце вещует, что самые лихие времена еще впереди.

У Светки глаза на мокром месте с тех пор, как она поняла, что ее Васек запал у Ленки капитально. Так капитально, что любовники повключали телефоны. Все правильно, она так же бы поступила, зачем отвлекаться. Только немного успокоилась, но звонок близкого человека снова «взорвал» душу. Говорить смогла спокойным, даже равнодушным голосом, но только положила трубку, слезы хлынули просто ручьем. Бросилась на кровать, лицом в подушку, какая она дура, своей рукой все перечеркнула. Ну почему ни один из них не нашел нужных слов, и почему сама не кинулась ему на шею, когда поняла, что теряет. Теперь, когда все пути отрезаны, очень даже понятно, что ее Васек совсем не бывший друг — любовник, здорово он запал ей в душу. Точно, когда имеем, то не ценим. Доигралась в крутую и независимую бизнес — леди. До чего может довести женщину какая то любовь, она просто не ожидала от себя такой слабости, лежать и плакать. Как и не ожидала от Строева такого равнодушия, не задумываясь лег в чужую постель, с чужой женщиной. Что она в этом

виновата, думать не хотелось, не должен он был так поступать, вот и все. Теперь то это вчера назад не вернешь, тем более она сказала о близости, а значит об измене. И коли все это случилось, наверное так угодно судьбе, она сейчас даже не представляет что и как можно исправить. Она сильная женщина, у нее есть жених, совсем скоро они станут законными супругами и Новый год встретят далеко — далеко от сюда. Может все пройдет, все позабудется, ведь время лечит. Так что вперед, в будущее, которое она считает не таким уж и бесперспективным. Они с Игорем красивая пара, и все у них будет отлично. Объяснила и убедила себя, а вот места не находит, и сомнениями полна душа. А не напрасно ли она кинулась в это замужество, как в прорубь головой, словно кому то что то доказывая. Какие это прелести и достоинства увидел в ней мужчина, сделавший сразу предложение, не в пример некоторым. А может он ничего и не рассматривал, а просто решил комфортно устроиться за спиной у бизнесменши. Ей иногда самой кажется, что на ней просто написано, что она может все, а за ее миниатюрной фигуркой, как за каменной стеной. И если посещают такие мысли, зачем она спешит, ведь ошибка ей может дорого стоить. Наконец устав от этих бесконечных сомнений, она просто приказывает себе — стоп, а то так и до шизы совсем недалеко. Заняться бы ежедневной рабочей

суетой, но как назло все дела завершены, впереди только свадьба, к которой тоже все готово. Пускай все идет как идет, судьбу не обойдешь, не обманешь, хоть и не хочется полагаться полностью на эти всевышние силы. Ну почему ты Строев, такой тупой, почему не смог понять подружку, почему согласился с ее выбором. Где герой, а здесь даже не попытался сломить сопротивление слабой женщины. Не смог сделать так, как надо тебе, мужчине. Наверное все же не захотел, и опять слезы заливают лицо, и нет сил гнать эти противные мысли. Сейчас то она знает, стоит им только встретиться, сделай он только малейший жест к примирению, и она без раздумий отдастся на волю его рук, таких ласковых, и таких всегда нетерпеливых. Но этого не будет, он далеко, и им уже не встретиться вот так, наедине, как вчера. Она совсем скоро уедет из родного города. И может не вернется сюда никогда. Сколько воды утечет, пока сменится власть в городе. Да еще не сказал своего последнего слова Серж, вдруг уходя он «хлопнет дверью». И если это будет громко, то тогда не только за свою жизнь придется молиться, но и за жизнь своих близких. Да и поможет ли это? Она не намерена кидаться на каменную стенку, она переждет, сохранив здоровье и деньги. Это главная задача на сегодня. Все смешалось, и любовь, и бизнес, и неприятности. Когда это еще схлынет,

когда рассосется, и будет вспоминаться, как кошмарный сон. Сможет ли она начать на новом месте дело, без бесшабашной уверенности Сержа, без его пробивной силы. Без широкой спины Строева, за которой она чувствовала себя так спокойно и уверенно. И почему она не представляет себя за спиной будущего мужа? Может от того, что она его совсем то и не знает. Ну почему у них все поломалось? Почему Серж так и не свернул со своего пути, пошел до конца, как боксер — тяжеловес, которого сможет остановить только нокаут. Но жизнь то не ринг, в ней все жестче, а главное подлее. Сколько ситуаций может возникнуть совсем за короткий срок, и что, от каждой получать нокаут. Так нельзя, и очень жаль, что каждый уходит своей дорогой. Команда распалась, у каждого свой путь. Смертельная опасность тучей накрыла их, и никто не знает, что будет с ними в самом ближайшем будущем. Что произойдет через несколько дней, недель, месяцев? Сбудутся ли ее планы стать через неделю замужней женщиной и уехать в Подмосковье, на родину мужа. Она совсем не представляет, что не будет видеть скалистых сопок родного города и моря, вызывающего у нее восхищение и страх, когда оно бьется в берег штормом. Что ее ждет в далеком далеке, где она никогда не была. Скорей бы уж пролетали последние деньки невыносимого

ожидания, скорей бы события захватили своей суетой. Она так устала от всего этого. Светлана подходит к зеркалу и внимательно всматривается в свое отражение, и как всегда остается собой недовольна. К такой мужики могут липнуть только из — за ее деловитости и материальной состоятельности. Она старается разозлиться, ведь когда ее переполняет злость, не остается места для позорной жалости к себе. И сразу хочется не просто действовать, а побеждать. С этой непонятной любовью скоро станешь слезливой телкой. А ей это надо? Тем более на пороге крутых событий, разборок, перемен. Она сделает все что в ее силах, она встанет над обстоятельствами, ведь ее правило — это отсутствие поражения. Все, хватит ныть и ронять слезы, через неделю судьбоносное событие, и она, маленькая обезьянка, должна быть во всем великолепии. Женщина улыбнулась своим мыслям впервые за этот месяц.

Строев не находит себе места, через неделю у командира свадьба, а потом отпуск с последующим увольнением. И неизвестно кто придет на его место, и как после этого изменится Васькина жизнь. Лучше конечно не будет, и не стоит рисковать, надо выбираться в город на пару, а то и больше дней, пока Игорь еще при делах. Надо увидеть Сержа, на душе остался неприятный осадок, что в прошлое увольнение даже не сделал такой попытки. Он для

него больше чем друг, он ему за старшего брата. И Васек взялся немедленно решать этот вопрос.

«Командир, у тебя через неделю свадьба, а ты ни слова, ни полслова». — он зашел после обеда в кабинет Игоря, где тот разбирал бумаги.

«Все верно, так и есть. Сказал бы через пару дней, чего спешить то. У тебя ко мне что то конкретное?»

«Конечно. У тебя крутое событие намечается, а ты мочишь даже за стопкой. Вроде мы больше, чем командир и подчиненный. Или не так?»

«Какой смысл об этом раньше времени трепаться. Я еще сам толком ничего не осознал. Знаешь сколько проблем в связи с этим всплыло. Мне то легче не станет, если я тебя ими «загружу».

«Ну во первых всегда лучше выговориться, может что и присоветую. Да и мне кажется, что твои проблемы из серии приятных, так что делись. И мне кстати надо о подарке подумать».

«Согласен полностью, но тут снова Светлана замешана. Просит, вас милорд, в город пока не пускать, говорит что тебя и на свадьбе точно не будет».

«Все верно, мы с ней в контрах. Она считает что я с этой службой их сильно подвел. Наших то конкретно в нищету вгоняют, и даже этим может не закончиться. А я прохлаждаюсь по ее мнению. Да еще парочку разных мелочей на меня вешает.

Сейчас уже поздно со всем этим разбираться, все разгромлено, нас вытесняют не только из бизнеса, но и из города. Так что мы теперь никто, когда еще все наладится. В общем набралось, так что нам лучше не встречаться. Но не об этом речь, это так сказать мое оправдание отсутствия на вашей свадьбе, в общем не обессудь. Вопрос к тебе простой и практичный, ты в ЗАГС в форме пойдешь?»

«А в чем еще? У меня гражданского ничего нет. Сам знаешь наши зарплаты. Вот получу расчет, тогда что ни будь и организую. А пока я еще офицер».

«Офицер то офицер, но на пороге гражданской жизни. Я это к тому, что нечего тянуть, пора в нормальную одежду влатываться. Мы с тобой одной комплекции, вот я и хочу тебе костюм подарить. Его перед самой службой купил, ни разу не одевал».

«Я даже не знаю, для меня это как то дико».

«Почему дико? Тебе все равно придется штатское покупать, так или нет?»

«Придется то придется, но когда это еще будет».

«Не обольщайся, очень даже скоро, не успеешь даже семейной жизнью насладиться. Дай ка я твой китель примерю, размер определю. Все, с костюмом порешили. Ты не думай, он нулевой, я

тебе честно говорю, я ни разу его не одевал. И никто у меня его не видел, Светка тем более. Я приобрел то его почти задаром, знакомый партию из Кореи завез, своим отдал по себестоимости. Не смог от соблазна удержаться, парочку приобрел, хотя из спортивных штанов и кроссовок не вылезал. Так и думал, что напрасно схватил вещи, ан нет, пригодились. Кстати и стельку мне дай для образца, туфли под него подберу».

«Ты что конкретно меня приодеть хочешь? Я что сам не в силах решить этот вопрос?»

«Не грузись по пустякам, у меня это лучше получится. Связи остались, мне все это найдут — подберут без проблем. А ты что от свадебного подарка отказываешься? Согласись, это мое право сделать тебе хороший и практичный подарок. Или тебе нужна побрякушка в виде зажигалки или курительной трубки? Конечно и среди побрякушек есть вещи дорогие, но совершенно бесполезные. Если честно, то у меня с наличкой туговато, и впереди ничего не предвидится».

«Так ты еще Светлане что то дарить собирался. И дорогое, она мне говорила».

«Не разорюсь, она больше для меня сделала. Да и комиссионные с нашего последнего дела ей по — любому причитаются, хоть она и отказывается. С бабами проще, куплю ей сережки, она любит такие побрякушки. У мамы потом заберет, напомни ей».

«А что ты хочешь за эти щедрые дары? Извини конечно, но мне кажется, за всем этим какой то интерес просматривается. Говори, не стесняйся, я можно сказать уже не твой командир. Говори как мужик мужику».

«Зря ты так. Поверь, это я делаю от чистого сердца. Время идет, ты молчишь, а про свадьбу Светка мне доложила. Мне что потом, в один день подарки искать? Такие дела заранее делаются, тебе же будет неприятно, что от тебя туфтой отделались, как бы отмахнулись наскоряк. А подарки на свадьбу традиция, не нами придуманная. Так что этот вопрос закрываем. Что я у тебя могу попросить, только увольнение. Сам подумай, разве ты не устроил бы мне отдых по полной, тем более что со службы уходишь. Я по любому тебя об этом просил бы, будь это свадьба или нет. Ведь я не знаю кто придет вместо тебя, и как у меня с ним служба покатит. А в город мне позарез надо, интерес сердечный имеется, очень серьезный».

«И подарки гарантированное решение вопроса».

«Хочешь так думать, думай, оправдываться не буду. Но я тебя прямо спрашиваю, разве ты меня в увольнение не отпустишь перед своим уходом? Спрашиваю как друга, попаду я в город пока ты при делах? Или приказ Светки для тебя важнее?»

«Конечно попадешь, какой разговор. Только

давай ближе к концу недели. Я как раз дела сдавать буду, мне все равно торчать здесь сутками. А кто эта девушка, что сердце тебе разбила?»

Реплику насчет Светки Игорь оставил без внимания.

«Очень хорошая и очень красивая. Ее папа меня сюда устроил. Он кстати офицерские кадры распределяет или как это там у вас называется. И Светка знает его лично, так что есть варианты».

«Не надо мне никаких вариантов, я не могу и не хочу служить в этом бардаке. Скоро и кораблей то не останется, все продадут уроды».

«Ну это дело твое, я это так, к слову приплел. Мне еще надо обязательно своего друга увидеть, так сказать командира на гражданке, в прошлый раз не получилось. Под пулей человек ходит и ничем не поможешь».

Приплел слово пуля для красного словца, и совсем не думал, как был близок к истине.

«С этим все решено, как только мои дела закрутятся, так сразу уедешь, может суток на трое».

«Вот это царский подарок, Игорек. Ты просто не представляешь как мне это нужно. Спасибо тебе, я твой должник».

И уже через два дня Строев был дома, сразу позвонив по трем телефонам, пытаюсь разыскать Сержа. Но все оказалось бесполезным, правда обещали брякнуть, если тот вдруг появится. Никто

толком не знает где он.

Ну а коли нет, так нет, значит приступаем к личному. Звонок Кате и снова неудача, ответила ее мама. Дочка сейчас на концерте какой то столичной знаменитости в ДК моряков, и вернется скорее всего очень поздно. Еле сдержался, чтобы не набрать Светкин номер. Что он ей скажет, да и за спиной командира запахло суетиться. У нее уже своя дорога, она легла с ним в постель его не спрашивая. Эта мысль разбудила в душе злость, а заодно послужила оправданием, когда он набирал Ленкин телефон. В памяти постоянно крутилась соседка — трахалка, а сейчас так явно, что захотелось ее просто невыносимо. И снова как в прошлый раз, та сняла трубку после первого гудка, словно ждала звонка.

«Да, слушаю».

«Это я тебя слушаю, не узнаешь, милая?»

«Как же — как же, сразу признала родной и любимый голос. Чего изволите, повелитель?»

«А ты не догадываешься?»

«Неужели предложение сделать хочешь?»

«Точно предложение, но правда попроще».

«Все понятно любимый, тебе как настоящему воину не до высоких чувств, не до семейных радостей. Только секс и ничего больше. Оголодал наверное сильно. А мне, ты даже не представляешь, высокой и чистой любви хочется. Может в кино

сходим, будем целоваться на последнем ряду. Как тебе мое предложение, любимый?»

«А ты мне там в кино напряг снимешь».

«Фу как пошло».

«Вот и я это говорю. Ты правильно подметила, оголодал сильно. Ты же знаешь, бесценная, о чем солдат круглые сутки думает. Так что выручай защитника Отечества, потрудишься ударно».

«Выручу, потружусь и очень качественно. Так что зажди в кулачек зелененькую бумажку с цифрой пятьдесят, и скорее лети к мне, ненаглядной. Я жду не дожжусь, вся дрожу в любовном нетерпении».

«Может не будем примешивать к нашим высоким чувствам материальный интерес. Защитника Родина надо обслуживать по первому требованию и без очереди».

«Можешь конечно и не примешивать, но только со Светкой или с этой мамой — Родиной, в кулачек так сказать. Ты хочешь обидеть любимую? Вспомни как я качественно долг отработала. Так ждать тебя или как?»

«Жди любимая. Нашу любовь не погасит какая то маленькая материальная помеха».

«А большая, любимый?»

«Большая погасит, но я не думаю что впереди нас ждуг большие растраты. Я просто уверен в

твоей разумности, любимая. Не хочу даже об этом думать, просто гоню эти черные мысли, я уже представляю твои горячие объятия, моя бесценная».

«Жду не дождусь, вся трепещу от нетерпения. Еще раз напоминаю, мой сладкий, бумажку зелененькую не забудь».

Хоть эта на месте оказалась и свободна, прошлый раз совсем не плохо получилось. Надо коньяк с собой захватить, очень помогает в этом деле. Сердце просто замирает, как только представил роскошное, белое тело, и ту страсть, что в нем заложена. И мысли об этом вытесняют все на свете. Любит она это дело, искусница прямо от природы. Сейчас уже совсем не жалко, что Кати не оказалось дома, хоть и настраивался сегодня исключительно на романтическое свидание. Перед глазами стоят роскошные ляжки, со всеми прилагающимися к ним деталями. Потупив глаза, под осуждающим взглядом мамы, Васек быстро собрался к своей новой платной подружке. А что делать, если ему элементарно нужна женщина. И надо быть полным импотентом, чтобы отказаться от «телки», с такими роскошными прелестями, хоть и за деньги. И уже топая в соседний подъезд, и все же чувствуя некоторую неловкость, он убеждал себя, что сделал все что мог. И совсем не его вина, что одна Ленка оказалась дома. Не сидеть же в квартире, вляпавшись в телек, ожидая у моря

погоды.

На следующий день, мотаясь по городу в поисках рубашки и туфель для Игоря, он постоянно названивал, но телефоны Сержа не отвечали, его нигде не было. Никто не видел его уже неделю, зато неожиданно быстро откликнулась Катюша, как ласково стал он ее про себя называть.

«Да, я слушаю, а кто это?»

«Мы как то столкнулись в кабинете Светланы. Я тот самый матрос, которого спас ваш папа».

«Помню конечно, Василий Строев. Да?»

«Совершенно верно».

«Мне Светлана Ивановна много о вас рассказывала».

«Плохое или хорошее. При встрече мне стыдно не будет».

«В основном хорошее, и очень кстати подробно. Так что я вас уже хорошо знаю».

«А я вас совсем нет, но очень хочу узнать. Я сегодня в увольнении. Может встретимся, в кино сходим или просто погуляем».

«Я не против, только если можно, то часика через два. Мне кой какую работу доделать надо. А где встретимся?»

«У вашего кинотеатра, ровно в пятнадцать. Если вы в этом районе будете».

«Буду ровно в три, пока».

Оставшееся до свидания время, Василий

использовал на покупку подарка Светке, что проблемой совсем не было. В ювелирном сережек с «камешками» был сверкающий вал. Проблема была в выборе, глаза просто разбегались от громадного количества блестящего, яркого, и очень яркого. Не забивая голову ювелирными тонкостями, он решил задачу простым способом, он «плясал» от цены. Чем дороже, тем наверное лучше. И коли они со Светкой люди уже почти чужие, то цена подарка определится размером комиссионных, ну может немногим меньше. Это будет и подарком, и расчетом за ее суету. Никто не посмеет его упрекнуть, что он не рассчитался, что за ним завис долг. Ему не нужна халява, они теперь со Светкой просто партнеры. После ее «выкидона» с замужеством, он уже ни в чем неуверен, так что пусть все будет как положено. Мысли о бывшей подружке сразу испортили настроение, надо это все выкинуть из головы, это не его вина, не он затеял эту «бучу». Обидно, но только теперь понял, что сам то никогда бы не бросил свою маленькую командиршу. Только сейчас стало понятно, что она была для него больше чем подружка — любовница. Он и сейчас делает все, как сказала она. Вот идет на свидание с девушкой, с которой она посоветовала встречаться. А прошлую ночь спал с женщиной, которую тоже она подсунула. Все на ней замыкается, пора рвать эту зависимость, пора

начинать самостоятельное движение, без проводников — наставников. Василий все это «переваривая» уже психовал, не в силах прямо сейчас забыть свою маленькую изменщицу. Видите ли ей предложение сделали, как будто это главное и надо немедленно нестись замуж. Куда бы от них все это делось, вот большая проблема расписаться. Как будто без печати в паспорте им плохо было. Он смотрел на сверкающие лучиками сережки и представлял, как их будет носить Светка, в каких случаях оденет. Так захотелось увидеть это собственными глазами, и понимая что это невозможно, чуть не заплакал, весь переполненный жалостью к себе. Настроение испортилось в конец, ко всему этому еще Серж где то потерялся, как бы не сбылись самые черные Светкины предсказания. И он совсем не мог предположить, что именно сейчас, в этот момент, его судьбу, как и других ему близких людей, решают в одном очень «высоком» кабинете.

Двое мужчин, в строгих темных костюмах, с важно — вальяжной неторопливостью, даже ленцой, вели очень доверительную беседу под кофе и английские сигареты. Да и по виду они совсем не отличались от англичан.

«Ты считаешь, что он представляет реальную угрозу? — сухопарый мужчина, спортивного вида, смахивающий своим видом и жестким выражением

лица, на боксера — легкача, небрежно пригладил светлые волосы.

«Поставь себя на его место. Весь бизнес похерен, никакой перспективы на будущее. А денежки то у него есть, как и надежные люди. Что помешает ему нанять хорошего стрелка с отличной оптикой». — говоривший был поменьше ростом, поплотнее и явно постарше. Седина на висках, глубокие залысины и мешки под глазами, явно подчеркивали это.

«Убедительно. А как он ведет себя в последнее время? За ним вообще то наблюдают?»

«Толком не знаем. Мы постоянно теряем его из виду. И бывает по несколько дней, что является самым неприятным для меня. А следят за ним так называемые профи, а не какие то любители. Сделали попытку разобраться обычным способом, покалечить, вывести надолго из строя. Результат плачевный. Двое в глубоком нокауте с тяжелым сотрясением. У третьего сломана челюсть. Еще у одного разбит нос, правда вдребезги. Четверо наших ребят из лучшей десятки выключены на месяц, вот и делай выводы какой он набирает авторитет. Кстати и заяву в милицию они скинули, мол напали на них. И угрозы они получают с самого «верха. Такое впечатление, что они грамотно готовятся к будущим боевым действиям».

«Надо бы под эти увечья милицию плотнее

подтягивать. Заплатить хорошо, уголовное дело завести, дергать их постоянно к следакам. Контроль был бы полный, они были бы под «колпаком»».

«Надо бы, и я думал об этом. Но на сегодня это не наша метода. У нас теперь новые друзья, и они сильно не приветствуют общения с «красными», как они ментов называют. А самое главное, мы покажем свою слабость, если обратимся за помощью. Мы сильные и крутые, мы сами можем решить наши проблемы, и пусть это все знают».

«Значит напрашивается однозначный вывод».

«Да, надо решать вопрос быстро и кардинально».

«А в чем проблема?»

«Как всегда в одном, в деньгах. Дело то общее, не мне одному это надо. Касалось бы меня лично, я совета не спрашивал бы».

«И сколько надо?»

«Если на вскидку, без расчетов, то где то в районе сорока будет».

«А не много для человека, у которого фактически ничего нет».

«Можно и меньше, но тогда я чистоты дела не гарантирую. Да и зачистку будем проводить по полной. Нам «хвосты» не нужны, я не собираюсь конфликтовать с законом. И что ты так трясешься над деньгами, что для нас эта сумма. Ты же не из

своего кармана эти деньги возьмешь».

«Тоже верно. Сорок так сорок, только поскорее пожалуйста. Мне тут недавно донесли, он как то в казино нас словами не хорошими обзывал. Там народ солидный собирается, мне сейчас просто неудобно, что о нас подумать могут».

«Люди работают, через недельку другую вопрос решится».

«А с окружением что? Не найдется ли там народный мститель?»

«Вопрос не праздный, парень сумел хорошую команду сколотить, в этом ему не откажешь. Есть у него несколько человек способных на многое. С ними придется тоже решать. Нам лишний риск не нужен».

«Кто они такие?»

«Во первых его заместительница. Мозговой центр, может многое придумать и многое организовать. Способности недюжинные. Другой зам пока служит, ему до дембеля еще целый год «трубить». Еще двое его друзей, по совместительству охранников, они постоянно при нем. Это специалисты высокого класса и широкого профиля, бывшие вояки. Вот они то потенциальная угроза. Есть еще пара — тройка людей, но они на порядок ниже».

«В общем понятно, решай сам, все это на тебе лично. Наиглавнейшее, чтобы все было

стопроцентно чисто. Никаких зацепок, никаких намеков в нашу сторону. Нам такой славы не надо. А так же никаких мстителей. Денег не хватит, еще подброшу, государство не обеднеет. А то успокоишься, и тебе через годик нож в печень или гранату под ноги. Еще раз повторяю, все делай со стопроцентной гарантией. Денег не жалея, дело важное».

Васек рано поутру спешил из увольнения на пирс, все по плану, все по уставу, ни что не предвещало никаких неожиданностей, но сюрприз состоялся, да еще какой. За минуту до отхода катера, из подскочившего к самой сходне катера, черного «Крауна», не спеша вышел Серж и протопал по этой самой сходне на борт. Вот так встреча, вот так подарок. Не проявляя при посторонних никакой радости, прошли на корму, где никого не было. И где до боли сжали в рукопожатии руки, смотрели в глаза друг друга.

«Привет сенсэй, вот наконец и свиделись. Я уже и надежду потерял. Где ты потерялся?»

«Здравствуй братишка. Вот выбрал момент проводить тебя на службу. Ребята передали, что то важное обсудить хочешь».

«Да какое там важное. Просто хотел увидеть старшего брата. Узнать что почем, может и я сгожусь на что ни будь в этой нашей непонятке».

«Светлана тебе все рассказала, все по

полочкам разложила?»

«В принципе да».

«Ну вот и хорошо, чего воду в ступе толочь. Нам уже кажется ничто не поможет, все пошло прахом, обложили как волка. Я конечно все усилия приложу, чтобы выпутаться, а ты дослуживай, постарайся не светиться раньше времени. Как бы по тебе эти события не отрекошетили. Светка значит замуж выходит и уезжает, это очень хорошо».

«Что хорошего то, меня бросила можно сказать в один момент, не могла чуть подождать».

«Вот это и хорошо. Я очень хотел чтобы ты с ней развязался, слишком ты зависим от нее».

«Она умная, она все правильно делала».

«Но и ты не дурак. Пора тебе самому в лидеры выходить, хватит за моей и ее спиной торчать. Я потому и не против армии был. Ты здесь конкретно в одиночку оботрешься, станешь по настоящему крутым, способности все свои узнаешь».

«А без армии это не проявится?»

«Проявится, но не скоро. Армия и зона те места, где человек суровые испытания проходит. Армия даже круче. А пройдя эти испытания благополучно, станешь на голову выше».

«А чем мне Светка бы мешала расти?»

«Баба есть баба, где хитростью, где любовью и лаской, и ты полностью от нее зависим. Да еще вместе в одном деле. Ты свою влюбленность

поумерь, и станешь самостоятельным в полный рост».

«А ты что, только из — за этого и приехал, лекцию прочитать, поучить. Я переживаю, думаю чем своим помочь, а мне истины прописные втолковывают».

«Не дури, ничем ты уже помочь не сможешь. Но спасибо большое, я от тебя другого и не ожидал. Светка наверно категорически была против нашей встречи. Так ведь?»

«Точно так. Но некоторые вопросы я решаю без советчиков».

«Еще раз молодец, вырастешь на глазах. А я если честно, то просто тебя увидеть хотел, своего младшего братишку. Когда еще свидимся, как бы не пришлось «свинчивать» в дальние края, с каждым днем обстановка в городе накаляется».

«Так ты и не тяни. Уезжай прямо сегодня, ведь знаешь кто против тебя выступает».

«Дела кой какие остались, вот чуть — чуть их разрулю и точно уеду. По крайней мере так планирую. Ты тоже почаще оглядывайся, как бы на тебе не отыгрались, ведь ты второй человек в команде, боюсь я за тебя. Может и права была Светка, надо бы уходить по тихой. Короче братишка, давай прощаться, я этим же катером вернусь назад. Еще раз прошу, ты этот годик поостерегись, чует мое сердце беду. Поменьше в

город вылазь, в общем держи глаза открытыми».

«Все сделаю, как ты говоришь. Но и ты уезжай скорее, может все поутихнет. Сохраним команду, значит победим. Через годик наведем ревизию, не спеша со всеми разберемся».

«Хвалю за такие слова, я тоже так думаю. Ну все братишка, тебе пора на службу. Счастливо, дай Бог все хорошо будет».

Они обнялись и уже через пару минут катер отвалил. Васек стоял и смотрел, пока тот не скрылся из виду. Надвинул шапку на глаза, стоял на ветру, с намокшими от слез глазами. На душе было тоскливо до ужаса, и просто страшно, почти так, как в первую минуту в жарком корабельном котле.

Почему судьба не дает ему спокойной жизни. Только все наладилось, Светка ушла к другому. Только освоился со службой, уходит Игорь. Вот и с Сержем грядет разлука. Неужели так будет всегда.

Время летит, скромно в казарме отметил старшина Строев Новый год. Нет Игоря и Светки, кажется так давно они уехали, тихо сыграв свадьбу. И до сих пор горько на душе от полного понимания, что любимая потеряна навсегда. Она далеко — далеко, и теперь не имеет к нему никакого отношения. Вот только сердце не хочет никак покидать. Ни как не могут затмить его маленькую командиршу, ни Ленка, дарящая безумно — страстные ночи, правда всегда за деньги. Ни

Катюша, с ее таким красивым лицом и с робким сиянием глаз. Как было спокойно на душе, когда подружка была рядом. И не прав Серж, без нее ему дольше карабкаться наверх. Рядом с ней он просто уверен в себе на все сто. А когда один, то и глаза частенько на мокром месте. Хорошо что свободного времени мало, а то мысли о потерянной любви достали бы в конец. Но это так, к слову сказано, не такой уж он и слабак, каким хочет казаться самому себе.

Новый командир, капитан третьего ранга, все молчит, правда и в службу не лезет. Но это его молчание ничего хорошего не сулит, по крайней мере так думает главстаршина. Лычка вдоль погона, это подарок Игоря, вещь в армии совсем не лишняя. Может кап три присматривается, чтобы потом затянуть «гайки», хотя ничего вроде и не болтается. Но опять же, за это время он два раза был в увольнении, две встречи с Катюшей легли на душу светлым пятном. Если новый командир и дальше будет отпускать в увольнение раз в неделю, то Бог с ним, пусть молчит и дальше. Главное, что его дружба с красавицей — студенткой может перейти в другую область, куда более интересную, чем просто дружба. И тогда не будет необходимости «нырять» в Ленкину постель, ругая себя за слабование последними словами. Они с Катюшей переступили первую маленькую черточку в

отношениях, и она шутливо обижается, когда он называет ее радисткой Кэт. Что переходит в шутливую борьбу, с легкими обниманиями и как бы случайными прикосновениями. И только регулярность увольнений сможет привести их к поцелуям и совсем не случайным отношениям. Васек с нетерпением ждет следующей встречи, ведь после двух последних свиданий, Светка не снится так часто. И может он наконец пройдет мимо Ленкиного подъезда, и совсем не потому, что этого ему не хочется. Вдруг все пойдет хорошо, и как надо, и в недалеком будущем он назовет Катюшу женой. Теперь то он сильно жалеет, что не обручился со Светкой, теперь то он знает как это важно для женщин, больше он не сделает такой ошибки. Боже, когда наконец наступит осень, и он станет свободным человеком, сам сможет распоряжаться своей судьбой. Не будет зависеть от чужой воли и настроения.

Восемнадцать радистов отправили на корабли и в части, а пополнения нет. Через месяц выпускают остальных и прощай рота, ее точно расформируют. Видно боевых единиц все меньше и меньше, и уже не надо специалистов в таком количестве. Это совсем плохо для Строева, еще служить и служить, и совсем не хочется что то менять, начинать где то заново. За спиной год службы и старшинские погоны, что конечно сильно облегчит жизнь, но и

это не гарантия и защита от армейских придурков. В этой армии может быть все, о чем не сможешь даже близко представить. Еще один не маловажный момент против смены службы, это налаженные деловые связи с прапором из морской пехоты. У него уже куплено почти за бесценок четыре ручные гранаты и пистолет — ракетница, с десятью зарядами. Стрелкового оружия тот пока не обещает, а вот взрывчатки пожалуйста, сколько хочешь. Но совсем скоро Васек благодарил Всевышнего, что глубоко не завяз с этим бизнесом. Прапора — бизнесмена повязали, и где он теперь, никто не знает. Правда и про суд не было слышно, видно морпехи все замяли в своем кругу. Прапор наверняка поклялся, что первый раз его бес попутал и никаких налаженных преступных связей он не имеет. Ума видно хватило не откровенничать с дознавателями, чем и не добавил себе и другим неприятностей. А все это занозой торчит в мозгу до сих пор. И чтобы отогнать тревожные мысли, когда лежишь в тишине полутемной казармы, он пытается представить Катюшу в интимной обстановке, в своих объятиях — и ничего не получается. Если не гранаты всплывают в памяти, и неприятности им сопутствующие, то в сознание бесцеремонно вторгается Светка. Когда она сверху, с потемневшим от страсти взглядом, кусающая себе губы, чтобы сдержать стоны. А ее руки жадно и

сильно массируют его тело, оставляя на коже следы от ногтей. Он почти чувствует ее горячие поцелуи, замирая, как от свободного падения. Мгновенно открывает глаза, чтобы прогнать эти сладкие видения. Подкрадывается сон и не надолго бывшую подружку сменяет Ленка, появляясь четко, будто наяву. И нет сил открыть глаза и прогнать эту проклятую, и такую сладкую эротику. Вот женщина презрительно и зазывно улыбается, смотрит ему прямо в глаза, руками поглаживая и массируя груди, раздвинув до бесстыдства широко ноги. И он не может оторвать взгляда, его тянет к этим белым ляжкам. К такому соблазнительному и просто божественному низу ее живота. Он с трудом отводит взгляд от всего этого, и почему то снова Светка тянется к нему губами. И снова он просыпается, вырываясь из плена сладких снов. Но глазам в темноте не за что зацепиться, и снова Ленка улыбается ему, бесстыдно раскинувшись на постели. Видится так явно, что дыхание замирает от желания. И в увольнение хочется до безумия, и он снова не пройдет мимо заветного подъезда, положив в карман пятьдесят долларов, каким бы романтичным не случилось свидание с Катюшей. Никогда не думал, что будет платить за это, а вот платит и постоянно. И больше того, просто горит желанием, поскорее оказаться в Ленкиной постели, и получит от ее тела такое восхитительное

наслаждение. Скорей бы суббота, скорее вырваться на свободу, скорее успокоить душу и тело. Но это к сожалению под большим вопросом, нагрянула комиссия чуть ли не из Москвы, и спокойная жизнь учебного подразделения закончилась. Кап три весь в суете и волнении, с ходу попытался подсунуть старшине какие то бумаги на подпись, акты на списание чего то. Строев даже не стал смотреть, вежливо и твердо отказался, похоже на должок за все увольнения. Начальник попытался повесить голос, рубануть так сказать командирским криком, но встретившись с замом глазами, поперхнулся и отвел взгляд. Уходя, невнятно ругнулся, покрывшись красными пятнами. Извини брат, но я не при делах, а ты сам отвечай за свое, как и положено командиру, если ты конечно таким являешься. Старшина продолжал править службу в своей, на треть поредевшей роте, а кап три дни и ночи напролет в штабе, где заседает комиссия. Он уже третью ночь не уходит домой, все что то считает, пишет, и видимо не совсем удачно. Так как вид у него с каждым днем все подавленней и подавленней. Василий просто не может представить, что можно украсть за такой короткий срок и в каком количестве, если человек тает прямо на глазах. Видно совсем некстати свалилась комиссия на командование этим учебным центром. С должностей слетела вся верхушка, включая и

командира радистов. Поговаривали, что будто бы «химичили» с обмундированием, списали большое количество, чуть ли не на год вперед. И как всегда «химия» с продуктами в особо крупных размерах, ведь у матроса не украсть — себя не уважать. Строеву плевать на это, он далек от матросского пайка, да и не неправильно это — воровать у своих. Вот только дивиденды от всего этого ему перепали сказочные, считай по начало марта он в роте был за старшего. Пока флотские кадровики разобрались со штрафниками — растратчиками, пока их сменили, пока нашли нужных людишек на вдруг освободившиеся «хлебные» места. И все это время ознаменовалось частыми увольнениями. Встречи с Катюшей стали не только регулярными, но и плановыми. От чего их отношения плавно поднялись к «точке кипения», целовались они уже напропалую. И девушка уже не убирала его руку, когда та нежно касалась груди, или так же нежно поглаживала ноги, поднималась далеко выше коленок. Они с нетерпением ждали момента, когда у Васька выпадет суточное увольнение, и одна из квартир вдруг окажется пустой, от куда то отлучившихся родителей. Но к великому огорчению парня, этот счастливый миг не наступил, пришел приказ, и Строев вместе с восьмью радистами срочно отбыл для дальнейшего прохождения службы далеко на Север. Отбыли

гражданским бортом так стремительно, что смог позвонить маме и Катюше только из аэропорта, перед самой посадкой. Вот она военная непредсказуемая жизнь, еще вчера что то планировал, на что то надеялся, а вот сегодня ты уже далеко — далеко от дома. От такой красивой девчонки, с которой почти дошел до полного взаимопонимания, почти до любви, а может и до будущего семейного счастья. И кто знает, что его ждет на новом месте службы, что будет через долгих восемь месяцев, когда наконец подойдет долгожданный дембель. Это перемещение конечно удар для парня, но и слава Богу что не в Чечню, на войну. И снова подтвердилось Васькино предчувствие, он снова получил удар, когда все шло совсем неплохо, почти отлично. Может он и не думал бы так, узнай случайно, что благодаря этому перемещению остался жив. Буквально через неделю после его отбытия, в расположении роты появился невзрачный парень лет двадцати пяти. Представился матросам двоюродным братом Строева, раздал служивым несколько пачек сигарет и немного денег. Очень сожалел что не застал братца, мол ехал из далека. Пацаны посочувствовали, но ничем помочь не могли, сами не знали куда ребят отправили, в штабе поговаривали, что вроде бы на базу атомных подлодок. Неприметный молодой человек вернулся